

В архив Н
сдавать

МАТЕРИАЛ

по
НАЦИОНАЛЬНОМУ ФОЛЬКЛОРУ

Г. ПОРОТОВА Г.Г. - Идея-сценарий к
иттельменской песне-легенде
"ЭЛЬВЕЛЬ".

ПОРОТОВА Г.Г. - "ЭЛЬВЕЛЬ"
иттельменская
ПЕСНЯ - ЛЕГЕНДА

Постановщик Гиль - "ПЕРВЫЙ КОРИКСКИЙ
БАЛЕТ"

ПОРОТОВА Г.Г. - КУТКА
песня-сказка по ительмен-
ским мотивам в 5 картинах.

ШАРИНН А. - В ДАЛЕКОМ СТОЯНИИ
одноактная пьеса в 6-ти кар-
тинах.

ПОРОТОВА Г.Г. - "АДНЭИ".

МАЛОМОВИЧ В.Н. - КОРИКСКИЕ СКАЗКИ.

ПЕТРОВА-ВЫТОВА - "НОРГАЛ"

Корикский народный танец.

ИЗ ГЛУБИН ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ

ISBN 978-5-9610-0470-0

9 785961 004700

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ КАМЧАТКИ

Министерство культуры Камчатского края
Краевое государственное бюджетное учреждение
«Камчатский центр народного творчества»

Нематериальное культурное наследие
народов Камчатки

ИЗ ГЛУБИН ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ

**ПАМЯТЬ В СТРОКАХ:
ОТ АРХИВНЫХ ПОЛОК
ДО ЖИВЫХ РАССКАЗОВ**

**МАТЕРИАЛЫ
ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ**

Петропавловск-Камчатский
«Камчатпресс»
2025

УДК 821.39
ББК 83.3
ИЗ2

Из глубин земли Камчатки : материалы фольклорно-этно-
ИЗ2 графических экспедиций / составитель М. Е. Беляева. – Петропав-
ловск-Камчатский : Камчатпресс, 2025. – 96 с. : ил. – (Нематериальное
культурное наследие народов Камчатки).

ISBN 978-5-9610-0470-0

Данный сборник содержит тексты, сказки и информационные материалы из
архива Камчатского центра народного творчества, а также собранные в ходе фоль-
клорно-этнографических экспедиций в различные районы Камчатского края.

Сборник будет интересен работникам культуры, фольклористам, этнографам,
преподавателям вузов, учителям и всем, кто интересуется традиционной культурой
народов Камчатки.

УДК 821.39
ББК 83.3

*Фото Василия Гуменюка и Эльвиры Шишкановой
и из архива Камчатского центра народного творчества.*

ISBN 978-5-9610-0470-0

© КГБУ «Камчатский центр
народного творчества», 2025

Содержание

М. Е. Беляева Архив, дневник, рассказ:
источники о традиционной культуре 4

ИЗ АРХИВА КАМЧАТСКОГО ЦЕНТРА НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ПЕРВЫЙ КОРЯКСКИЙ БАЛЕТ	7
РАЗДЕЛ I. «Мэнго». Первый корякский балет	8
Глава 1. Исторический путь, пройденный народностями Севера	10
Глава 2. Игры и танцы народов Севера	15
РАЗДЕЛ II. Национальные истоки и исторические связи балета «Мэнго»	
Глава 3. Драматургия. Подробное либретто	23
Глава 4. Музыка	28
Глава 5. Танец	35
Размышления о будущем театре Крайнего Севера	41

ИЗ ДНЕВНИКОВ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ

Шишканова Эльвира Алексеевна	43
Киевлян Александр Сергеевич	67
Долган Илья Петрович	79
Из архива Бобрышевой Софии Игоревны	81

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЕСТР ОБЪЕКТОВ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ КАМЧАТСКОГО КРАЯ

Традиционные игры с мячом в обрядовой практике коряков	86
---	----

*Беляева Мария Евгеньевна,
заслуженный работник культуры РФ,
заведующая отделом сохранения
нематериального культурного наследия
КГБУ «Камчатский центр народного творчества»*

Архив, дневник, рассказ: источники о традиционной культуре

Каждая экспедиция Камчатского центра народного творчества приносит удивительные находки – истории, которые живут в памяти людей. Наши собеседники щедро делятся тем, что собирали годами: семейными преданиями, местными легендами, архивными заметками. Эти материалы – не просто страницы в сборнике, а живые свидетельства культуры, без которых невозможно по-настоящему изучить и понять наследие Камчатки.

Среди архивных фондов Центра – папки с уникальными материалами, собранными ещё в период работы областного научно-методического центра. Эти документы – настоящий клад информации: они не только рассказывают об истории самого учреждения, но и воссоздают атмосферу культурной жизни края, фиксируют важные события и показывают, как жила Камчатка в те годы. Листая эти документы, мы словно путешествуем в машине времени: перед нами встают картины прошлого.

В фондах архива сохранилась статья о премьере корякского балета «Мэнго» – знаковом событии 1967 года. Постановка, показанная в феврале в Петропавловске-Камчатском, стала частью Всероссийского фестиваля народного творчества, посвящённого 50-летию Октябрьской революции.

География премьерных показов отражала масштаб проекта: начало – в Палане, где балет впервые предстал перед зрителем, продолжение – на областном смотре в Петропавловске-Камчатском, следующий этап – зональный смотр в Хабаровске, завершение – грандиозный финал в Москве на закрытии фестиваля.

«Мэнго» вызвал небывалый интерес: постановка не только продемонстрировала уникальность корякской хореографии, но и стала символом культурного возрождения народов Севера, заслужив восторженные отзывы публики и профессионального сообщества.

В 2025 году Камчатский край торжественно отметил 60-летие Государственного академического корякского ансамбля танца «Мэнго» имени Александра Гиля.

Происхождение названия ансамбля уходит корнями в его дебютную постановку – балет «Мэнго», посвящённый судьбе одноимённой героини. Этот спектакль не только дал имя коллективу, но и стал фундаментом его профессионального роста.

Имя Александра Гиля – хореографа, поставившего первый балет, и первого руководителя ансамбля – навсегда закреплено в его названии, что подчёркивает непреходящее значение вклада этого человека в развитие корякской танцевальной культуры.

В дневниках наших земляков спрятаны настоящие сокровища – самые разные истории, которые люди хранили в памяти и передавали из уст в уста. Тут и воспоминания старожилов Корякского округа о том, как жили их предки, и семейные рассказы, от которых теплеет на душе. Есть и описания старинных обрядов, и волшебные сказки – всё то, что делает наш фольклор таким богатым и живым.

Эльвира Шишканова выросла в далёкой Таловке Пенжинского района – там, где суровая северная жизнь знакома каждому с детства. Когда-то она танцевала в знаменитом ансамбле «Мэнго» и колесила с гастрольями по всей Камчатке. А потом – переезд в краевой центр, новая работа... Но Север манит обратно, и Эльвира часто навещает в родные края.

Её тянет не просто ностальгия по родным местам – это целенаправленный поиск сведений о происхождении, о культурных и родовых традициях, которые определяют её связь с прошлым. Она берёт в руки блокнот и отправляется к старейшинам: слушает, записывает, впитывает их истории. Среди сокровищ её архива – рассказ о бабушке и дедушке, полный тепла и нежности, о том, как они пронесли любовь через всю жизнь.

А ещё – живые зарисовки о северянах: оленеводах, которые кочуют по тундре, чумработницах, хранящих домашний очаг, забытых сёлах, где когда-то кипела жизнь. Есть и воспоминания об интернатах, о том, как маленькие северяне учились жить в новом мире в эпоху Советов. Все эти записи будто капсула времени, которую Эльвира бережно передаёт будущим исследователям.

В апреле 2025 года наша экспедиционная команда отправилась в Аянку – одно из самых отдалённых сёл Пенжинского района. Встреча с местными жителями принесла неожиданные находки: среди прочих дневниковых записей особенно выделяется архив Сергея Киевляна, который его сын Александр с готовностью передал исследователям. Дневник представляет собой комплексный источник: наряду с текстовыми записями, в нём зафиксированы рисунки, выполненные Сергеем Киевляном в ходе сбора фольклорного материала.

Георгий Поротов – камчатский писатель, поэт, фольклорист – в своих материалах отмечал заслуги Сергея Киевляна. Последний известен как кропотливый собиратель сказок, легенд и преданий чукчей и коряков. Поротов восхищался глубиной его знаний и подчёркивал: дневники Киевляна – это собрание подлинных жемчужин народного творчества.

В нашем сборнике мы представляем вашему вниманию книгу Сергея Киевляна «Добрый коряк», которая, вероятно, является единственным экземпляром с рисунками автора.

Благодаря Алиной Марине Ильиничне, с которой мы встретились в Аянке, в наши руки попал дневник её отца – Ильи Петровича Долгана. Эти записи – окно в прошлое их семьи. А её собственные рассказы добавили им теплоту и глубину, оживив давние события.

На текущий момент расшифровка материалов, собранных в селе Аянка, не завершена. Мы публикуем часть дневниковых записей Ильи Петровича. В рамках дальнейшей работы предполагается публикация сборников, содержащих фольклорные, этнографические и биографические свидетельства, полученные от жителей села.

Благодаря Софии Игоревне Бобрышевой сборник обогатился корпусом сказочных текстов, собранных ею в ходе полевых исследований в Корякском округе. Эти материалы обладают высокой исследовательской ценностью: они открывают возможность для анализа динамики сказочных сюжетов и выявления межтекстовых связей, свидетельствующих о культурном взаимодействии.

В структуру книги традиционно включаются материалы об объектах нематериального этнокультурного наследия Камчатского края. Представленные материалы охватывают ключевые формы традиционной культуры: устное народное творчество, обрядовые практики, традиционные ремёсла. Данная публикация выступает одним из механизмов популяризации культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Камчатского края.

Из архива Камчатского центра народного творчества

ПЕРВЫЙ КОРЯКСКИЙ БАЛЕТ

Мы шли смотреть «Мэнго» с тем спокойным любопытством, которому не обещано ничего необыкновенного. Не обостряло интереса и пояснение: «Первый корякский балет». Многое казалось заранее известным. Представлялось, например, что сюжет обязательно будет сказочным, ведь основу большинства национальных балетов составляют именно сказки и предания. Что до хореографии, то виделась классика в некоем национальном изложении. О музыке вообще не думалось – нашли что-нибудь, приспособили...

Была благожелательная и искренняя готовность делать любые скидки и на «первый», и на «корякский». В особенности, когда память возвращала ко много раз читанным журнальным статьям о жизни заокеанских соседей наших чукчей, коряков, ительменов. На Аляске, разделённые всего только узким проливом, их единокровные сородичи вымирают от голода и болезней, от бесправия и невежества. Испытываешь известную гордость, когда сопоставляешь события жизни «наших» северян с фактами существования их братьев, живущих на другом берегу Берингова моря. А факты духовного, культурного развития народностей советского Севера – такие, например, как «Мэнго», не могут не вызывать доброго чувства и стремления помочь, поддержать хотя бы ободряющим словом самодеятельных артистов.

РАЗДЕЛ I

«Мэнго». Первый корякский балет

Постановщик – Александр Гиль.

Исполнитель – Корякский ансамбль танца (пос. Палана, Камчатка).

Художники – В. Крупина, А. Пироженко, Е. Аксельрод.

В ролях:

Богач Иныл – Б. Жирков, колхозник.

Шаман – Е. Панкаринов, колхозник.

Юльты, батрак Иныла – Д. Яганов, колхозник.

Айя, его жена – Е. Уркачан, ученица 10 класса средней школы.

Мияги, прислужник Иныла – Б. Авеев, рабочий совхоза.

Мэнго, маленькая дочь Айи и Юльты – Лизочка Ильинская (5 лет).

Люди стойбища, олени, духи и прочие – участники Корякского ансамбля танца.

Балет «Мэнго» поставлен в феврале 1967 года, во время Всероссийского фестиваля народного творчества, объявленного в честь 50-летия Октября. Показан вначале в Палане, затем в Петропавловске-Камчатском, на областном смотре. Позже – несколько раз в Хабаровске, на зональном смотре, в заключение – в Москве, на итоговом показе фестиваля.

...Балет «Мэнго» опрокинул все наши спокойные благие намерения.

Вспоминаются последние минуты спектакля, когда занавес начал медленно смыкаться. Не сразу начали кричать «браво», не сразу загрохотали аплодисменты. Зал какое-то время «отходил». Потом люди стали подниматься с мест и яростно аплодировать, держа руки над головой, что-то беспорядочно крича. Кто-то (многие!) вытирали слезы, кто-то с открытыми объятиями бежал по проходу на сцену...

«Мэнго» произвёл поистине громоподобное впечатление. Не сбылось ни одно из первоначальных предположений. Балет, построенный на национальном материале, решенный в глубоко национальной форме, был ничем не похож на другие национальные балеты. Его индивидуальность была бесспорной, яркой, впечатляющей. Воздействие его не прекратилось с окончанием спектакля. Об этом можно судить, сообразуясь с собственными ощущениями, а также с высказываниями десятков камчатских и хабаровских зрителей, мнение которых удалось узнать.

Фрагмент балета «Мэнго»

Со дня первого представления «Мэнго» прошло два года. Казалось закономерным, что за это время будет написана хоть одна монография о «Мэнго», что это яркое явление заинтересует не только этнографов, фольклористов, но и историков театра. В газетах, в основном северных областей, появилось какое-то количество отзвучков. Иногда это были обычные газетные рецензии, иногда краткая справка в общем списке выступлений участников художественной самодеятельности. В центральной газете успела появиться только одна статья, где балету «Мэнго» даётся высокая оценка. Однако и она была написана только в связи с выступлением корякского ансамбля в Москве, на заключительном концерте Всероссийского фестиваля художественной самодеятельности, и по вполне понятным причинам не носит исследовательского характера. На московском небосводе «Мэнго» мелькнул, как метеор.

Как бы там ни было, а исследователи, к сожалению, обошли «Мэнго» серьёзным вниманием. Оттого ли это произошло, что выступления корякского ансамбля танца можно было увидеть только далеко на Севере, куда добраться и сегодня ещё нелегко. Или оттого, что «Мэнго» сочли явлением хоть и ярким, но всё-таки не выходящим за рамки значения подобных ему спектаклей.

Между тем углублённое знакомство с организацией работы корякского ансамбля, с самим балетом – с точки зрения его специфических особенностей и исторических связей – наводит совсем на иные размышления. Многие указывает на то, что творческой деятельностью корякского ансамбля танца даёт первые «позывные» будущий национальный театр Севера, третий после Бурятского и Якутского – национальный театр Сибири и её Крайнего Северо-Востока.

Процесс становления театра, переходные формы искусства должны быть изучены и зафиксированы. Иначе в истории искусства обозначатся пробелы. Культура наших народов не есть нечто возникшее на пустом месте, привитое искусственно. Она выращена на национальной почве, её сегодняшние задачи и традиции – развитие и качественное улучшение художественного опыта народа.

Эта работа не претендует на исчерпывающую полноту оценки творчества ансамбля «Мэнго». Она вызвана к жизни чувством самой горячей симпатии и уважения к коллективу корякского ансамбля танца, огромной верой в его дело и его будущее, равно как и стремлением способствовать по мере сил утверждению этого дела.

Глава 1.

Исторический путь, пройденный народностями Севера¹

Для того чтобы точнее оценить значимость факта, нужно знать его историю. И нужно сравнивать.

Перепись нынешнего года точно скажет, какова численность народностей, населяющих Крайний Северо-Восток Сибири. Десять лет назад, во время последней переписи, их зафиксировано около 130 тысяч человек. Самые крупные народности – чукчи, коряки, эвены. Язык их, традиции, обычаи, в частности чукчей, коряков, ительменов (камчадалов) и др., отличались известным сходством, несмотря на вековую оторванность стойбищ друг от друга, особенно разноязычных, и иные трудности общения, вызванные особыми климатическими и природными условиями и огромными, труднопреодолимыми расстояниями тундры.

.....
¹ Прямое и косвенное цитирование сборника «Новая жизнь народов Севера» / Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Изд. «Наука», 1967.

Первые сведения о северянах появились в начале XVII века. В 1632 году был заложен Якутский острог – на Север пришли первые русские. В конце XVII века они были уже на Камчатке. Началось освоение и заселение неизвестных прежде земель.

Именно с этого времени поступают первые достоверные сведения о народностях Севера, хотя об их существовании («полуношные народы») было известно ещё из летописей XI–XII вв.

Северяне тяжело переживали царскую кабалу. Фактически организованным ограблением народов был царский ясак. Притеснения и эксплуатация вызывали восстания аборигенов. Позже эти бунты все чаще стали обращаться и против национальной богатой верхушки. Особенно значительным было восстание под руководством ненца Вавле Ненянга. В конце 30-х годов XIX века он возглавил движение бедняков-ненцев против богачей тундры. Вавле и его единомышленники отбирали оленей и имущество у богачей и раздавали их бедным. Одновременно Вавле призывал не платить царский ясак. Царским властям с трудом удалось подавить это движение.

Жизнь северян была чрезвычайно тяжёлой. Население часто жестоко страдало от длительного голода. Чуть ли не целые стойбища вымирали от голода, а также от эпидемий. Высокой была смертность женщин и детей, потому что роды проходили в антисанитарных условиях. Численность народностей резко снижалась.

Царское правительство не тратило средства ни на здравоохранение, ни на образование «иностранцев». Среди коренного населения Сибири в 1905 году было всего около одного процента грамотных. Чукчи, юкагиры и некоторые другие народности были сплошь неграмотными. С тех пор как народности Севера были включены в состав царской России (13 июля 1697 года), они почти не продвинулись вперёд в культурном отношении.

Большинство северных народов жили патриархально-родовым строем. Точнее, это был переход от первобытнообщинного строя к классовому. У северян были богатые и бедные, были даже рабы – большей частью из военнопленных. В двадцати процентах самых зажиточных хозяйств применялась наёмная рабочая сила.

Все северяне верили в духов. Не умея объяснить явлений природы, они считали, что всем управляют духи, добрые и злые. Поэтому северяне испытывали страх и преклонение перед теми, кто мог общаться с духами, – шаманами.

Кроме того, у северян существовал культ иного рода: почитание промысловых животных – лося, дикого оленя, медведя. Широкое распространение получил на Севере культовый медвежий праздник.

У народов, живущих в тундре, главным хозяйственным занятием было оленеводство. Чукчи и коряки ходили за стадом пешком, собак у них не было. Волки и другие хищники наносили стадам колоссальный ущерб, так что иногда оленеводам даже приходилось уходить к зверобоям и рыбакам, чтобы не умереть с голоду.

В социалистический строй народы Севера пришли, можно сказать, прямо из первобытнообщинной формации. Пришли как равноправные в семье народов новой России. Их права были записаны в «Декларации прав народов России», принятой советским правительством буквально через несколько дней после Октябрьской революции. А через три года на II Конгрессе Коминтерна Владимир Ильич Ленин выдвинул и обосновал мысль о переходе отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Национальная политика советского правительства преследовала цель поднять экономический и культурный уровень национальных окраин. Вышел целый ряд декретов, распоряжений, законов, касающихся конкретной помощи народам Севера. Появились учреждения здравоохранения, школы, первые учреждения культуры. Правительство повысило заготовительные цены на пушнину, отправило на Север сотни тысяч пудов хлеба, организовало различные курсы по подготовке первых национальных кадров специалистов, создало сеть кооперации, объединившую в одних руках производство, заготовки и снабжение в районах Севера, был предпринят ряд других необходимых мер.

Начали работать так называемые «культурные базы» – учреждения, сочетавшие в одном комплексе все виды обслуживания коренного населения. Организовались первые колхозы – этому способствовало широко развернувшееся строительство в тундре. Позже появилась современная техника – трактора, моторные лодки, катера и т.д.

Все, что произошло за первые 10–15 советских лет на Севере, с полным правом можно назвать великой культурной революцией. Именно в это время завершилась работа по созданию письменности на языках народностей Севера. Широкая школьная сеть в 1932 году получила первые буквари на родных языках. Открылись первые средние учебные заведения, которые начали серьёзную планомерную

подготовку кадров новой национальной интеллигенции. Большую роль в этом сыграл Ленинградский институт народов Севера. С поголовной неграмотностью северных народов также было покончено.

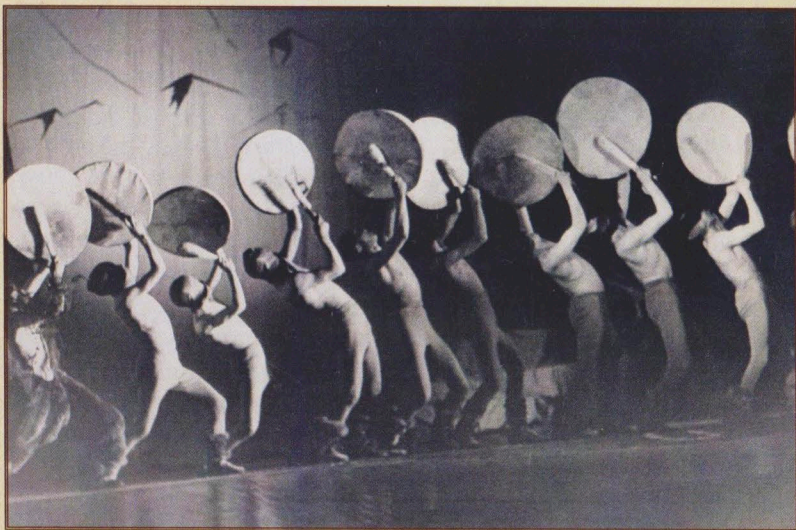
Большое внимание было уделено здоровью северян. Была объявлена война страшным болезням, уносившим многие тысячи жизней, – оспе, туберкулёзу, дизентерии. Медицинская помощь стала более действенной не только благодаря увеличению медицинских кадров на Севере, доступности различных лекарственных препаратов, но и в связи с улучшением транспортного сообщения – врачи передвигались не только на собаках, но и на самолётах.

Сегодня хозяйства Крайнего Севера – многоотраслевые хозяйства. Ведущими в них остаются оленеводство, охота, рыболовство и морской промысел. Рыболовецкие колхозы, в том числе Корякского национального округа, превратились в крупные механизированные хозяйства. Каждая рыбацкая артель имеет свои обрабатывающие базы. Доходы колхозов постоянно растут. Это позволяет им строить новые рыбообрабатывающие предприятия и расширять старые, приобретать электростанции, сейнеры и т.д. На Чукотке сейчас строится самая северная в стране атомная электростанция.

В хозяйстве Севера появилось множество новых отраслей. Так, почти по всей территории Крайнего Севера организованы фермы по разведению ценных пушных зверей. Развивается прежде неизвестное северянам молочное животноводство, выращивается картофель и другие овощные культуры.

Огромные изменения претерпел и быт северных народностей. Сейчас северяне живут в основном в посёлках. Для развития жилищного строительства на Севере государство выделяет долгосрочные ссуды, открывает кредиты и т.д. В каждом крупном посёлке есть школа с интернатом, больница, клуб, магазин, детские учреждения. Открылись музыкальные и спортивные школы.

У народностей Севера появились учёные, художники, писатели. Невиданно расцвело самодеятельное искусство, особенно декоративно-прикладное. Из года в год растёт число библиотек в районах Крайнего Севера. В Корякском национальном округе книжный фонд составляет более 260 000 экземпляров. Работает широкая сеть красных яранг и красных чумов, теперь там есть специалисты разных профилей со средним и специальным образованием. Почти в каждой яранге есть киноаппарат, радиолы, магнитофон, фотоаппаратура, радиоприёмни-

Танец духов из балета «Мэнго»

ки. Яранги передвигаются на современных вездеходах. Используются и новые формы работы – выступления агитбригад, передвижные учебные кабинеты, которые ведут агитационно-массовую и культурно-просветительную работу, распространяют медицинские знания, помогают организовать социалистическое соревнование.

Очень существенно изменился облик тундры и вся жизнь северных народностей с развитием транспорта. В быту северян все большее значение начинает играть авиация. С её помощью решаются и многие проблемы хозяйственного порядка. Использование вертолётов и самолётов помогает сократить потери оленей. Авиация широко применяется и для борьбы с волками.

Север индустриализируется, совершенствуется на основе современных достижений все отрасли промыслового хозяйства. На пятилетку намечен новый ряд мероприятий. Когда они станут реальностью, условия труда в северном промысловом хозяйстве и быт людей ещё больше приблизятся к образу жизни населения центральных областей страны.

За пятьдесят с небольшим советских лет ликвидирована изоляция Севера от обжитых районов нашей страны. Автомобильные дороги, авиация, железнодорожный и морской транспорт сделали Север доступным, связали его с крупными промышленными и культурными

центрами. Все это сказалось не только на экономике Севера, но и на его национальном развитии. Стала исчезать прежняя замкнутость и обособленность этнических групп, стали сближаться языки. Стёрлись и исчезли многие диалекты (а прежде у одних только коряков, например, исследователи насчитывали кто три, а кто – девять диалектов!). Объединение оленеводческих и рыболовецких хозяйств сблизило людей. Такая народность, как, скажем, коряки, когда-то резко делилась надвое: «оленные» и «береговые», или «сидячие» коряки. Сейчас она составляет единое целое. То же происходит и с другими национальными группами.

Таким образом, за 50 с небольшим лет советской власти народности Севера прошли путь, который без неё они не смогли бы пройти и за тысячу лет. Советская власть создала прекрасную политическую основу для мощного и всестороннего экономического развития северных областей. Она открыла северным народам невиданные возможности для духовного роста. Ничего подобного они не имели и не могли иметь прежде.

Глава 2.

Игры и танцы народов Севера

Авторы сборника «Новая жизнь народов Севера» пишут, что «драматическое искусство у народов Крайнего Севера возникло только в советское время. В 30-е годы на самодеятельной сцене были поставлены пьесы чукчей Тумгекая «Поражение шамана» и Енока «Шаман», ямальского ненца И. Ного «Шаман» и «Вавле Ненянг», эвена И. Бабцева «Без огня» и другие. Так оно и есть, конечно. Однако и это выросло не на пустом месте. Жаль, что авторы сборника не задаются целью исследовать такие факты в их исторических связях, а только перечисляют их.

Между тем склонность к организации драматического действия проявилась у северян давно, сотни лет назад. Достаточно обратиться к документам того времени, которых очень мало, к сожалению. В книге известного исследователя Севера академика С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755) можно найти яркие картины северных праздников, в которых так или иначе присутствовали черты драматического «спектакля», или – удобнее сказать – «действия».

Ученый несколько раз наблюдал ежегодный и бытовавший «у всех камчадалов» праздник очищения грехов. Причины возникновения этого праздника у Крашенинникова точно не сформулированы. «Стеллерово мнение о сем празднике, что оной от предков их уставлен был в благодарение богу за его благодеяния, но после сущая причина празднования помрачена дурацкими смехами и нелепыми баснями».

Принимая точку зрения Стеллера, Крашенинников добавляет к этому, что камчадалы «по окончании летних и осенних трудов не принимаются ни за какую работу прежде праздника, не ездят в гости и на промыслы, почитая все то за великий грех»².

Праздник начался метением юрты. Когда эта работа была закончена, в юрту вошли «старик с бабами», они несли плетёные рогожки, в которых юкола, икра, кипрей, сладкая трава и нерпичьи кишки с жиром наложены были. Из всего этого старик и женщины делали топорики, которые оббивали сладкою травой. Потом стали делать «из икры, налитой в стволы сладкой травы, копорули, хожиакож по их называемые, которыми сарану бабы копают, и их роздали бабам, близ их сидевшим». Потом две старухи ненадолго вышли из юрты, опираясь на палки. Когда они вернулись, одна из старух стала говорить сидевшим возле рогожек, что рано ещё копать сарану, «ещё де сороки спят, а сказав другой раз, вышли и, пришед в юрту, говорили, что де крылья расправляют. В третий раз сходя на двор, сказали, что уже головы подняли, а в четвёртый раз с надворья пришед, сказали, что де уже время копать, и зачали вышеописанными копорулями по рогожкам бить и хватать траву разную и икру...»

Между этой церемонией и заключительной выполняется ещё немало деталей. В частности, изготавливаются своеобразные болванчики, символизирующие врагов, «камучючи». Сначала их ставят в одно место, вешают на них мятую траву («тоншичь»). Позже мужчины связывают камучючей и разжигают в юрте костёр. Болванчиков несут головами к огню и бросают в костер – церемония эта весьма эмоциональная: когда камучючей несут к огню, несущие различными энергичными движениями, топаньем и т.д. выражают своё отношение к врагам так, что «гром делается». А «как камучючи горели, то все молчали. А по сгорании их вышел один мужик из юрты вон с палкою, тоншичем перевязанною, и, вбежав в юрту, говорил, что камучючи пошли вниз по реке,

в другой раз выбежав и помешкав, вбежал в юрту и сказал, что они уже и рыбу добыли, в третий раз сказал, что они вверх по реке ушли...»

Все церемонии подобного рода охватывали значительное количество людей. Процесс уничтожения врагов и нравственного самоочищения проходил в обстановке большого напряжения. Эмоциональная обострённость достигала своих крайних пределов «...Сию речь прерывал он несколько раз; между тем все прочие старики вставали и, топая ногами и плеская руками, кричали «алхалалалай», а по окончании оной все старики встали с мест своих, взяв друг друга за руки, заплясали и закричали «алхалалалай», а с ними и все бывшие в юрте тоже кричали. Во время крику начали выбегать из углов бабы и девки, искося глаза, искривя рот и представляя себя как возможно страшными, которые, дошед до лестницы, подняли руки кверху и, делая странные телодвижения, плясали и кричали во всю голову, а потом одна за другою падали на землю будто мёртвые и разносимы были мужчинами по местам своим ...»

Попутно хочется обратить внимание на одну деталь такого праздника – «действия», которая хоть и не имеет главного значения для разрабатываемой мною темы, но не может не вызвать закономерного интереса. В «декоративном оформлении», если так можно выразиться, некоторых северных праздников встречается фигура некоего «пома». «Что значит оной пом и для чего делается, того и сами камчадалы сказать или не умели, или не хотели, впрочем сделали его наподобие человека вышиною около полуаршина, а тайной уд приплели ему сажени в две и доле и положили его головою к огню, а уд к потолку привязали... Как пом несколько времени повисел, то старик пришёл, отвязал его и, согнув тайной уд кольцом, обжёг на огне, и махал им по юрте, проговаривая «уфай», а за ним и все бывшие в юрте тоже кричали, напоследок сожгли реченного пома».

Какая символика заключена в этой детали? Вряд ли здесь можно искать связь с культом плодородия древних греков, слишком маловероятно, чтобы когда-либо в прошлой истории человечества могли в какой-то форме соприкоснуться столь далеко отстоящие друг от друга народы. Традиция могла возникнуть и самостоятельно: если не от плодородия земли, то от количества оленьего стада, морского зверя и т.п. зависело благосостояние северян. Но это только догадки. Ни разу в литературе не встретилось мне больше ни описание этого ритуала, ни тем более объяснение его.

.....
² Глава 10 «О праздниках и наблюдаемых при том церемониях» / Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.- Л.: Изд. Главсевморпути, 1949. 847 с.

Более или менее подробно рассказав об одном распространённом на Севере празднике, опускаю описание других, например, не менее популярного медвежьего праздника, праздника нерпы, о которых упоминают и прежние исследователи Севера – Крашенинников, Ратцель, Стеллер и современные – Т. Ф. Петрова-Бытова, авторы сборника «Новая жизнь народов Севера» и др.

Большинство этих развёрнутых «действ» возникло на культовой основе. Мне кажется, что здесь нельзя сбрасывать со счетов и то «действие», которое исполняли шаманы, заклиная или изгоняя злых духов. Здесь присутствуют и свои конфликты, и очень динамичная борьба, в которой есть и краткие отступления, и воодушевлённость успехом, и в результате трудная победа, вконец изматывающая победителя. Мне посчастливилось лет 15 назад «подсмотреть» немного камлание в одном из нанайских сёл.

Шаманская «практика», между прочим, даёт нам возможность увидеть у исполнителей и отправителей древних «действ» зачатки актёрского искусства, а также «саморежиссуры».

«Случилось мне видеть в Нижнем Камчатском остроге славного укинского шамана, именем Карымляча, которого не токмо тамошние язычники, но и казаки за великого знатока почитают, наипаче для того, что он колет себя ножом в брюхо и пьёт кровь свою, – пишет С.П. Крашенинников в главе «О коряцком народе». – Однако все оное было столь грубой обман, что всякому бы можно было приметить, есть ли кто не был ослеплён суеверием. Сперва бил он несколько времени в бубен и на коленях стоя, после того ножом колол себя в брюхо и выманивал рукою кровь из раны, коей не было, наконец, таскал из-под губы по целой горсти крови и ел, облизывая персты. Я между тем довольно смеялся... Нож, которым он колоть себя притворялся, опускал он вниз по брюху, а кровь вынимал из пузыря, которой был под пазухою...»

Элементы актёрской игры были и в празднике очищения грехов, как, впрочем, и в других праздниках. Описывая их, Крашенинников зорко подмечает, что девушки и женщины падали на землю будто «мёртвые», что они выбегали из углов, «искося глаза, искривя рот и представляя себя как можно страшнее». Ратцель пишет о шаманских камланиях: «Даже люди, враждебно относившиеся к религии гиперборейцев (народностей Севера), признавали, что не просто фокусничество, играющее, без сомнения, видную роль в публичных

представлениях этих колдунов, но и уверенность в действительности волшебных средств присущи деятельности шаманов».

Разве не поразительно! Прямо-таки едва ли не по Станиславскому – «вера в предлагаемые обстоятельства».

Во всех без исключения исследованиях труда и быта северных народностей много и достаточно развёрнуто говорится о танцах. Танцы входят в ритуал каждого праздника, элементы ганца содержатся в любом «действе», даже в шаманском камлании. Существуют истари групповые и сольные танцы. Их так много, что Стеллер даже разделяет их на «четыре рода». Первый род пляски состоит в том, что группа мужчин и женщин становится в круг, в нарядных одеждах и начинает ходить по кругу, в такт поднимая ноги, одну за другой. Такие танцы могли продолжаться очень долго, иногда по 15 часов, с вечера до самого утра, и в танцах принимают участие все без исключения, даже старики, несмотря на то, что это «требует от них большой затраты и без того немногочисленных физических сил». У женщин, рассказывает Стеллер, есть особый танец: они становятся двумя рядами друг против друга, кладут обе руки на живот и, поднимаясь на носках, поводят плечами, не шевеля руками и не сходя со своего места.

Ещё один род пляски состоит в том, что мужчины сначала скрываются по углам, потом по очереди выбегают оттуда и бешено бьют в ладоши, потом по груди и бёдрам, поднимают руки вверх и делают различные телодвижения. Есть и такой танец: стоя на коленях, мужчины прыгают по кругу, хлопая руками. Начинает один, а другие потом присоединяются к нему. Есть ещё старинные танцы. Главнейший из них такой: девушки и женщины садятся вкруг, потом одна встаёт и, запев песню, машет руками, а в руках у нее мятая трава – тоншичь. «Движет всеми членами столь проворно, – пишет С. Крашенинников, – что надивиться тому довольно нельзя, и кричит голосами различных зверей и птиц столь хитро, что в одном голосе три разные слышатся...»

Крашенинников возвращается к танцам северных народностей во многих частях своего монументального труда. Так, в главе «Описание камчатского народа, сочинённое по сказыванию камчадалов» мы вновь встречаем упоминание о склонности этих народов к танцу: «...Когда они плясать хотят, то постилают среди юрты чирел и по две, и по три на оной становятся на колени, у всех в руках имеется тоншичь, то есть мятая трава, прочие вкруг стоят и поют, а плясавицы руками

взмахивают и во все стороны оборачиваются, и гнутся, и ломаются так, что все суставы у них движутся!»

В этих описаниях угадываются черты и элементы старинного корякского танца «Норгали», который пользуется большой популярностью и в наши дни. «Норгали» – само воплощение энергии, танец яркий и темпераментный. Танцоры свободно импровизируют. Движения танца целостны и эмоциональны. Они заключаются в толчкообразных движениях плеч, рук, ног, головы и всего корпуса³.

Почти повсеместно по побережью был распространён праздник нерпы, в частности у «береговых» коряков. В ритуале праздника важное место занимал танец тюленя, который исполняли женщины. Движения танца – плавное раскачивание бёдер и волнообразное движение всего тела⁴. Этот танец требовал от исполнителей большой подвижности, гибкости и пластики.

В книге Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» читаем об увеселениях самоедских: «...Танцуют так не с бабами в кругу, пара по паре, пляска их состоит в том, что, не сходя с места, делать всякие телом движения и ломки, приступая в такте»⁵.

Самые подробные сведения о танцах северных народностей собраны в книге М. Я. Жорницкой «Народные танцы Якутии». Автор пишет не только о собственно якутских танцах, но и о танцах многих соседних северных областей. Мы видим, что большое число этих танцев имели подражательный характер: индивидуальные танцы ворона, журавля, чайки и др. Очень интересен для лучшего понимания специфических особенностей балета «Мэнго» чукотский танец-подражание «Бег оленя». В основу его, как пишет М. Жорницкая, положены подражательные движения рук, которыми имитируют бег передних ног оленя. Руки поочередно выбрасывают вперёд вниз, одновременно перескакивая с одной ноги на другую, каждый раз отводя ногу броском назад, чуть в сторону. Корпус при этом наклоняют вперёд, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Счёт идёт на две четверти.

В этом же плане очень интересен подражательный танец «Бой быков» (оленей). Двое исполнителей становятся друг против друга, медленно идут навстречу один другому, хоркая, как олени, помахива-

³ Жорницкая М. Народные танцы Якутии. М. : Изд. «Наука», 1966.

⁴ Петрова-Бытова Т. Четыре камчатских танца : «Книжная редакция» Камчатской правды, Петропавловск, 1964.

⁵ Цитир. по книге Т. Петровой-Бытовой «Танцевальный фольклор народов Крайнего Севера и его сценическая обработка». Рукопись, 28 с.

ют головой, издают громкий звук и, упёршись лбами, поворачиваются вокруг себя, а затем разбегаются в разные стороны. До наших дней дожил праздник оленя.

М. Жорницкая упоминает и о танце «Высматривание горизонта». Это движение связано с работой пастуха. Выпад на одну ногу. Корпус чуть подаётся вперёд, правая рука козырьком приставлена над глазами, другая отводится назад за спину или опирается на посох.

Интересно, что большинство северных танцев строго сюжетно, это не есть один только набор и чередование готовых движений: элемент драматического искусства обязательно присутствует.

В советское время танцевальное искусство северян получило новое развитие, приобрело новое, современное содержание.

Осталась в какой-то мере старинная традиция подражательности в создании танцев «Куропатки», «Утка», «Чайки», «Топорок» (птица), прекрасный, очень выразительный танец нерп, созданный Т.Ф. Петровой-Бытовой, величайшим энтузиастом своего дела, ленинградским «шефом» творческих коллективов Камчатки и Чукотки.

Вместе с тем новый быт внёс и новое содержание в привычные танцевальные формы. Появились массовые танцы «На рыбалке», «В пошивочной мастерской», «В табуне», «Молодость», «Мастерица», «У костра», «Работница чума» и др. Появились свои балетмейстеры.

У коряков это были Т. П. Лукашкина – учительница Паланской средней школы, В. В. Косыгин – работник окружного отдела культуры и др. В селе Алькатваам, на Чукотке, молодые колхозники оленеводческой артели «Коммунист» создали музыкально-хореографическую композицию «Солнце над ярангой», руководила этим делом учительница Лена Нутекеу. Исполнители объединились в комсомольский чукотско-эскимосский хореографический ансамбль «Оленёнок»⁶.

Бурное развитие танцевального искусства свидетельствуется многими печатными источниками. Корреспондент журнала «Культпросветработа», побывавший на областном смотре художественной самодеятельности в Петропавловске-Камчатском, отмечает, что «особенно яркими были выступления хореографических коллективов». Н. Алихан в журнале «Театр», № 10, 1957 г. в статье «Выступают эскимосы, чукчи, эвенки» тоже подчёркивает, что «особенно интересны танцы». Эти примеры можно было бы продолжить.

⁶ Газета «Комсомольская правда», 1957, 29 сент., ст. «Оленёнок».

Для чего, однако, понадобилось такое количество источников, такое подробное цитирование их?⁷ Для того, чтобы попытаться определить ведущие, стойкие тенденции в танцевальной традиции северных народностей.

Суммируя литературные сведения, можно увидеть, что многие северные танцы исполняются на одном месте или с незначительными перемещениями. Вероятно, это объясняется условиями, в которых они родились: теснотой чумов и яранг. Нетрудно заметить также, что прыжки, которые имеют место в некоторых из вышеперечисленных танцев, делаются от периферии к центру, а не наоборот. Можно предположить, что и здесь танцоров сковывала теснота помещения, когда освобождалось место, оно не пустовало, танцорам было трудно построить танец иначе, как только в центре.

Естественное требование разнообразия танцевальных движений, динамического развития танца рождало различные повороты, полуповороты, вращательные движения, перемещения по вертикали и т.д. Явственно также, что северный танец был несколько «прижат» к полу: сидят на полу, прыгают на корточках и на четвереньках, движутся на полусогнутых ногах и т.д. Яркая подражательность танцев свидетельствует о большой наблюдательности северян. Волнообразные движения, то резкие, толчкообразные, то более мягкие и плавные – тоже характерная примета их танцевального языка, равно как и большая эмоциональная насыщенность и энергия. Исходя из всего сказанного, делаем вывод, что северные танцы отличают явственно выраженная сюжетность и драматизм, пусть даже только потенциально заложенный в ней.

Ярче всего способность к организации драматического действия выражена в праздниках, ритуалах, играх северных народностей.

.....
⁷ Клявлиня Р. Искусство северных народностей Камчатки. Журнал «Культпросветработа». 1956. № 6.

РАЗДЕЛ II. Национальные истоки и исторические связи балета «Мэнго»

Глава 3. Драматургия. Подробное либретто

В злой задумчивости сидит в своей юрте богач Иныл. Все у него есть – и власть, и богатство, нет одного – радости. Давно любит Иныл жену своего брата Юльты, Айю. Но ни власть, ни богатство не могут дать ему права на неё. Айя и Юльты горячо и нежно любят друг друга, разорвать их узы невозможно. Завистлив Иныл на чужое счастье, ни пить, ни есть не может от злобы и зависти.

Возле него шаман. Вначале он пытается рассеять сумрачность Иныла диковатым танцем с бубном. Потом, вникнув в суть дела, предлагает силой привести Айю, тем более что Юльты сейчас в тундре.

Молча смотрит на них бессловесный и суровый прислужник Иныла Мияги. По приказанию Иныла он отправляется за Айей и насильно

Олени из балета «Мэнго»

приводит её к богачу. Кажется, злодеяние свершится. Однако именно в этот вечер, сердцем почувствовав опасность, домой ненадолго возвращается Юльты. Он и спасает Айю. С удесатерённой злобой смотрит им вслед Иныл. Шаман вьётся подле него, предлагая новый коварный план...

Юльты снова в тундре. Он чувствует себя уверенно и спокойно среди оленей, когда они кружат вокруг него свой медленный, величавый танец. Впереди выступает красавец Вожак. Неотступно, тревожно сегодня текут мысли Юльты – о доме, об Айе. Маленький оленёнок, резво прыгающий вокруг матери, живо напоминает ему малышку – дочь Мэнго, оставшуюся в стойбище.

Лёгкое волнение в стаде – появился дикий олень, могучий Согжой. Начинается схватка за первенство в стаде, за власть над остальными. Побеждает Согжой, упорно сражавшийся Вожак замертво падает на землю.

Не успело закончиться одно событие, как снова тревога в оленьем стаде. Появляется огромный медведь. Юльты преграждает ему путь, вступает в неравное единоборство. Текучей лентой стремительно уносится за Согжоем перепуганное стадо. Обливаясь кровью, шатаясь от ран, пастух успевает всадить медведю нож. Рядом с бездыханным зверем падает без сознания и он сам.

На месте недавней схватки появляется Иныл. Он пришёл сюда со злым намерением. Ярость его усиливается от того, что он убеждается в потере стада. Юльты, обессиливший, чувствующий свою невольную вину перед хозяином, не может противостоять этому потоку ярости. Улучив удобный момент, Иныл ножом в спину убивает Юльты.

Айя сидит возле своей юрты у костра в тревожной задумчивости, в полудрёме, ждёт мужа. Тревожные предчувствия беспокоят её. В пламени костра чудится ей любимый муж, вспоминается нежный и прекрасный танец их любви, потом на его месте возникает, как зловещий знак, недобрая фигура Иныла, он властно протягивает к ней руки. Айя пытается стряхнуть, отогнать видение, но внезапно перед ней появляется реальный Иныл и точно так же властно протягивает к ней руки. Айя в ужасе отшатывается, вырывается, напоминает ему о муже, который придёт и отомстит за неё. Иныл цинично бросает к ногам Айи любовно вышитый ею для мужа мешочек для трубки – Иныл взял его у мёртвого пастуха. Поражённая внезапным горем, Айя, вместо того чтобы покориться, с презрением и негодованием

отталкивает от себя богача, и тогда он, сломленный, падает к её ногам ничком, моля сжалиться над ним. Он мог бы взять её силой, но Иныл хочет большего, недоступного – он хочет того высокого счастья, что связывало Айю и Юльты. Он хочет, чтобы Айя полюбила его и сама пришла к нему.

В это время из юрты выходит маленькая дочь Айи и Юльты – Мэнго. Она ластится к матери и, увидев, из-за кого она так взволнована, по-детски выражает Инылу своё негодование: отталкивает его от Айи, старается прогнать. Айя, едва не надломившаяся при известии о смерти мужа, прижимает к себе девочку, как бы обретая в ней силу для дальнейшего сопротивления. Иныл уходит как побитая собака.

Раскаяние владеет им недолго. Понимая это, плетёт свои козни и шаман. Чтобы сломить сопротивление Айи, он предлагает объявить её сумасшедшей и – в качестве искупительной жертвы богам – сжечь на костре её маленькую дочь. Казнь поручено исполнить прислужнику Иныла Мияги.

В совершении казни шаман кровно заинтересован и сам. Всякое несогласие, протест, нежелание «покориться судьбе», сопротивление воле сильнейшего ослабляет и его собственное влияние на людей. Уйдёт покорность власти – уйдёт и покорность религии, которая эту власть освящает и поддерживает.

На открытом месте угрюмо собираются люди стойбища. К высокому столбу, на который сверху насажен звериный череп (обозначение места обитания злых духов), привязана маленькая Мэнго, под ногами у неё уже разложен костёр. Шаман танцует перед костром ритуальный танец, танец его торжества, его победы над людьми. Когда танец заканчивается, Мияги получает приказание зажечь костёр. Обезумевшую от горя Айю, потерявшую сознание, уносят.

Но Мияги не выполняет приказания. После некоторого колебания он отвязывает Мэнго, и прислужники богача бросаются на него. Происходит жестокая схватка. На помощь Мияги спешат люди стойбища. Это и решает исход борьбы: сообща люди расправляются со своими извечными врагами.

Заканчивается балет сценой народного праздника. Как символ своей победы, люди стойбища поднимают на руках маленькую Мэнго.

В газетной статье, посвящённой балету «Мэнго», кандидат исторических наук М. Я. Жорницкая утверждает, что он построен на основе старинной легенды.

Действительно, это легче всего предположить. В Якутии, где живёт и трудится М. Я. Жорницкая, театр – драматический, оперный, затем балетный – начинал именно с национальных легенд, преданий, сказок. В Бурятии было то же, приблизительно такой же дорогой прошло подавляющее большинство национальных театров страны.

Кроме того, и сюжет «Мэнго» поначалу способен вызвать именно такого рода ассоциации. Довольно часто в сказках и легендах повторяется сходный треугольник: бедная девушка, бедный юноша – её любимый, жестокий богач, влюбленный в девушку. Вариант: богатая девушка любит бедного юношу, счастьем мешает богатый жених и родители девушки.

Но если балет начинается с, казалось бы, знакомых сюжетных ситуаций и какое-то время движется по внешней, фабульной стезе, то кульминационная точка его – катаклизм в человеческом сознании.

Мы видим поначалу народ, окутанный суевериями как глухой полярной ночью. Он даёт совершиться убийству. Он отворачивается от Айи, когда шаман объявляет её одержимой. Он в ужасе, но ещё покорно толпится возле холма, где привязана над костром Мэнго... Вместе с ними молча взирает на приготовления и угрюмый Мияги, прислужник Иныла. Однако и в глазах, и в лаконичных движениях его, всегда таких чётких и определённых, сквозит уже какая-то раздумчивость, недоговорённость. И когда Мияги приказывают свершить казнь, впервые колебание задерживает его руку.

Мияги видел, как олени в тундре убивали друг друга из-за самки, он знает, что побеждает сильный, таков закон природы. Этой аналогией была скрыта от него социальная подоплёка поединка Иныла и Юльты. Раз право на победу у сильнейшего и победил Иныл – значит, все правильно, все идёт по законам природы, по воле богов.

...Но Мэнго. Как воевать с ребёнком? Чьим врагом он может быть? Впервые глубокое сомнение в правильности установленных «порядков» вторгается в душу Мияги. И когда он, ещё споря с самим собой, ища взглядом в ком-нибудь опору своему решению, освобождает девочку от пут – впервые начинается мятеж человеческого в человеке.

Это начинается переворот вековых представлений о том, как должно людям жить на земле, о самом смысле человеческого существования. Ребёнок здесь символическая фигура: действуя во имя гуманизма, человек защищает своё будущее. Мысль абсолютно современная, интернациональная.

...А потом, запалённый этим факелом, грянет взрыв. Вслед за Мияги поднимутся на борьбу с насилием и жестокостью прежде бесправные, безответные тени, впервые осознавшие себя людьми.

Такими образом, по всем этим признакам, в основе балета «Мэнго» лежит драматургия социально-психологического содержания.

Одно это уже вырывает первый корякский балет из привычной нам тенденции, сложившейся в практике национального театра на самом раннем этапе его становления.

Кроме того, у «Мэнго» есть ещё иные отличительные особенности. Его драматургия во многом документальна. Так, не выдуман богач Иныл. В корякских сёлах старики, помнившие его, рассказывали постановщику балета о жестокости этого человека.

Не выдумана и история с Мэнго. В 30-е годы, уже после победы советской власти, была в действительности принесена в жертву девочка – сожжена на костре. Этот акт неслыханной жестокости широко известен на побережье Камчатки.

Многие факты и события «Мэнго» теснейшим образом связаны с реальной жизнью дореволюционных коряков, с историей северных народностей. Так, в факте восстания бедняков, несомненно, отразились те бунты и восстания, о которых подробно рассказывалось в главе 1, в частности восстание под руководством Вавле Ненянга.

Вовсе не случайной является в балете фигура маленькой девочки. Уже упоминалось (глава 1) о том, что население Крайнего Северо-Востока Сибири косили болезни, голод, что вымирали иногда целыми родами, чуть ли не стойбищами. Никакого препятствия этому непрекращающемуся убавлению численности северяне, конечно, поставить не могли.

Поэтому ребёнок, как залог будущего, и девочка в частности, как будущая мать, которая, может быть, будет основательницей целого рода, присутствует во многих праздниках и ритуалах северных народностей.

Схватка с медведем отражает элементы широко распространённого «медвежьего праздника» (борьба) и затем возвращает нас к горчайшим реалиям быта северянина, их тяжкой обыденности, к опасностям, которые подстерегали его, беззащитного, на каждом шагу.

Так что же в этих событиях и фактах от «легенды»?

Надо сказать, что слово «легенда» есть и на афише корякского ансамбля. Может быть, молодому создателю балета казалось, что с этим словом афиша выглядит заманчивей, или хотелось как-то

«оправдать» некоторые, как бы не подходящие для реалистического произведения нереальные включения, которых в балете действительно немало?

Но ведь слишком очевидно, что эти включения никоим образом не переводят реалистическое либретто в сказку, а являются лишь средством создания специфической образности, выразительности.

В ритуальной шаманской пляске перед жертвоприношением, у костра, вместе с реальным шаманом выходят и «духи», вызванные его заклинаниями. Но ведь эти пришельцы никак не влияют на развитие или истечение сюжета. Это – материализованный образ религии. Рассмотрев тупые, механические движения, жуткие лица, словно вылепленные из мёртвой глины, зритель во всей силе наглядности видит, что внутренний «мир» шамана, как и смысл воинственно охраняемой им религии, начисто закрыты для всего человеческого.

Или другая сцена. Грустно задумавшаяся Айя, сидя возле юрты, молча глядит на костёр, её мысли и воспоминания, связанные с определёнными людьми, облекают человеческую плоть и кровь (так они сильно занимают её, что эти люди стоят перед ней «как наяву»). В полумраке сцены появляется таинственная, неведомая людям «душа». Её чёрно-алые гибкие пальцы сплетаются, тревожат, грозят... Но ведь и это – только образ, а не действие. Образ смятенных чувств Айи, олицетворённая поэзия её страданий, поэзия её одухотворённой чистоты.

Суммируя все, что сказано выше, мы можем с уверенностью говорить о том, что в основе балета «Мэнго» лежит острая социально-психологическая драма. Драма реалистическая, изложенная богатым, особым, специфически образным языком. К этому необходимо добавить, что в либретто «Мэнго» как бы эхом отозвалось одно из ведущих направлений современной литературы – документализм.

Глава 4. Музыка

Сообразуясь с историей национального театра, нельзя не присоединиться к утверждению профессора Г. Гояна о том, что «национальный балет, пожалуй, наиболее медленно развивающийся вид советского театрального искусства»⁸. По сравнению с ним опера – гораздо

⁸ Гоян Г. Ст. «Национальный балет»/О перспективах развития хореографических театров народов СССР.

более передовой вид национального театра. Она быстрее вышла из младенческого состояния и оформилась как самостоятельный жанр. Так было в Якутии, также было и в Бурятской АССР.

У северян дело обстоит иначе. На то есть свои причины. Уже говорилось, что танцевальное искусство, видимо, самое древнее у северян, и у коряков в частности⁹. Некоторые детальные описания различных танцев были приведены. Описания танцев – повторимся! – встречаются у всех исследователей.

А вот о музыкальных инструментах высказываний куда меньше, почти нет совсем. Можно считать точно установленным, что у коряков не было исстари никаких музыкальных инструментов. Ничего, кроме бубна – инструмента, дающего своеобразный ритм, но не способного воспроизводить музыкальные звуки. С. П. Крашенинников нигде не упоминает о наличии каких-нибудь музыкальных инструментов у коряков.

У их ближайших соседей было не больше. Ф. Ратцель говорит о северных народах, которые он обобщённо называет «гиперборейцами»: «...Музыкальных инструментов у них немного. У них есть барабаны, или, лучше сказать, бубны грубой работы, в которые бьют во время пляски. Трещотки из оленьих зубов, челюсти соболя и копыта козули вешаются для успокоения, а может, и в качестве амулета...»¹⁰ Крашенинников в главе «О пирах и забавах камчатских» обращает внимание на то, что «сей народ никакого инструмента не выдумал, кроме дудок дягильных, на которых, однакож песен не может наигрывать»¹¹.

«Некоторые танцы из далёкого прошлого, сохранившиеся до наших дней, – пишет исследовательница северного танцевального фольклора Т. Ф. Петрова-Бытова, – зародились тогда, когда ещё не было музыкальных инструментов!»¹²

В последние годы на Камчатке были сделаны попытки «дать» северянам музыкальный инструмент. Музыкальные специалисты Магаданской области сочли, что национальному характеру лучше всего соответствует домра. Был создан экспериментальный домровый ансамбль¹³.

⁹ Глава 2 настоящей работы.

¹⁰ Ратцель Ф. Народоведение, т. I. Тип. т-ва «Просвещение», 7 рота, 20. СПб. 1902 г.

¹¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.- Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. 847 с. Гл. «О пирах и забавах камчатских».

¹² Петрова-Бытова Т. Ф. Использование фольклора в школьных кружках художественной самодеятельности. Рукопись. Хабаровский краевой Дом народного творчества.

¹³ Газета «Магаданская правда», 1961, 10 июня. В. Батищева «Первый ансамбль».

Трудно сказать, насколько плодотворен этот путь. Когда педагог Магаданского музыкального училища Х. Я. Нарва записывает национальные песни и мелодии и обрабатывает эти песни для домрового ансамбля – это ещё в какой-то степени может соответствовать поставленной задаче. Но когда домровый оркестр исполняет «Коробейников» и другие русские песни, все связи рушатся. Видимо, вполне закономерно, что эта работа постепенно сошла на нет.

Ну, а песни?

«В каждой чукотской семье были свои, крайне несложные напевы, они передавались от поколения к поколению... Другие напевы, – писал В. Г. Богораз, – сочиняются каждым для собственного употребления или импровизируются... Особым развлечением считалось «горлохрипение» – забава молодых девушек... Оно сопровождалось несложной пляской»¹⁴.

О горлохрипании упоминает и Н. Алихан в журнале «Театр», № 10, 1957 г. От него мы узнаем об одной единственной старинной песне, имеющей самостоятельное название. Это «Лильх-эйн-эн», что означает в переводе «Звуки горла»¹⁵.

Очень распространенным было звукоподражание. «Главнейший танец, когда девки и бабы садятся вокруг, после одна встаёт и, запевши песню, махает руками... и кричит голосами различных зверей и птиц столь хитро, что в одном голосе три разных слышатся», – писал С. П. Крашенинников в главе «О пирях и забавах камчатских».

«По временам они подражают реву и крику различных животных и птиц, что делают с большим искусством. Есть напевы, отзывающие дикою, но стройною гармонией, – это зафиксировал этнограф XIX века Л. Аргентов. – В самый разгар игр некоторые певицы превосходно подражают крику гагары, собаки, оленя, нерпы и других животных»¹⁶.

Участник другой северной экспедиции (Ф. Врангеля) Ф. Ф. Матюшкин, наблюдая чукотские танцы, обращает внимание на то, что «вместо музыки несколько чукчей пели отрывистую, довольно несладкую песню»¹⁷.

В книге «Четыре камчатских танца» Т. Ф. Петрова-Бытова, со слов очевидца И. Н. Петровой, передает обстановку праздника нерпы в Карагинском районе Камчатки. Вот что, в частности, там говорится

¹⁴ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. Цит. по книге М. Жорницкой «Народные танцы Якутии».

¹⁵ Алихан Н. Выступают эскимосы, чукчи, эвенки. Журнал «Театр», 1957, № 10.

¹⁶ Цит. по книге М. Жорницкой «Народные танцы Якутии».

¹⁷ Там же.

о пении: «Мужчины становились в два ряда и изображали как бы хор праздника. Хор произносил непередаваемые возгласы: «Гай-га-га-го-ло-ло». Эти возгласы с аккомпанементом больших корякских бубнов являлись аккомпанементом к танцу тюленя ...»¹⁸

С. П. Крашенинников – единственный, кто указывает на песни, имеющие какое-то содержание: «...В любовных песнях изъясняют они склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другие обстоятельства», но даже он не собирался скрывать того, что эти песни были чрезвычайно несложными: «В материи песен нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся, или смешными, или достойными удивления»¹⁹.

Таким образом, если исключить слова С. П. Крашенинникова о любовных песнях камчадалов, то литературные источники оставляют нам только следующее: звукоподражание, горлохрипение и несложные напевы, часто импровизационного характера.

К слову сказать, последняя традиция дожила до наших дней и проявляет себя не столько на праздниках, сколько в быту северных народностей.²⁰

Суммируя данные, видим: со стороны танца – давние, устойчивые и развитые традиции, со стороны инструментальной музыки – ничего (только бубен), со стороны вокала – немного: натуралистические звукоподражание и горлохрипение, которые современное искусство не может не отвергнуть, импровизационные напевы и некоторое количество несложных любовных и бытовых песен, и то не у всех народностей. Слишком мало оснований пропустить вперёд музыкально-вокальное искусство. Гораздо больше поводов думать, что в своём развитии искусство камчатско-чукотских народностей пойдёт иным, отличным от других путём. Это подтверждается и сегодняшней художественной практикой этих народностей, в которой вокально-инструментальное искусство ещё не может предъявить аргумента, хоть сколько-нибудь соответствующего такому явлению, как «Мэнго».

Авторы балета «Мэнго» не стали придумывать для аккомпанемента новых, не свойственных быту коряков или иных северных

¹⁸ Петрова-Бытова Т. Четыре камчатских танца : «Книжная редакция» Камчатской правды» Петропавловск, 1964.

¹⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.- Л.: Издательство Главсевморпути. 1949. 847 с. Гл. «О пирях и забавах камчатских».

²⁰ Газета «Комсомольская правда», 1957, 14 июня. А. Машин «Ансамбль с Чукотки».

народностей музыкальных инструментов. Они чрезвычайно бережно и вдумчиво отнеслись к тому, что народ уже имеет.

Основа музыкального сопровождения «Мэнго» – бубен и напев. Преимущественно бубен.

Напев кажется очень простым. В нем отчётливо можно выделить только две фразы. Исполняется он за сценой, поют мужчины и женщины, небольшая группа. В основном поют в унисон, только иногда голоса ненадолго раздваиваются (весьма тактичное использование русской песенной традиции), и снова – унисон.

Напев возникает чаще всего в те минуты, когда авторы хотят как бы приблизить к зрителю главных показательных героев в минуты их счастья, тревоги и беды.

Нельзя не заметить, что напев звучит только тогда, когда на сцене находятся только положительные герои.

Хор, как бы любовно, следит за чистыми взаимоотношениями Айи и Юльты. Люди стойбища мысленно окружают Айю, когда она сидит у костра, погружённая в тревожные раздумья. Хор, как бы горестно, стоит над убитым Юльтой... При появлении богача Иныла, шамана или их прислужников хор замолкает, как бы не желая иметь с ними ничего общего, словно живое человеческое чувство в присутствии этих людей выглядело бы чужеродно. Хор здесь выступает как бы выразителем общественного мнения.

Напев характерен одной особенностью. Прежде всего, он не так прост, как кажется. Имея вполне устойчивую, не импровизируемую мелодию, он даёт возможность «эмоциональной импровизации», и настолько широкую, что позволяет одними и теми же звуками выразить чувства прямо противоположные.

Так, в сцене гибели Юльты высокий звук первой фразы взмывает над поверженным героем как вопль, как полный отчаяния протест. Особая острота его обуславливается тем, что первую фразу здесь ведёт высокий женский голос. К концу фразы голос как бы слабеет, обессиленный, и замолкает, словно женщина отдалась горю. Начинается вторая фраза – её ведут мужские голоса, унисон уступает место двухголосию, темп несколько убыстрается. Голоса звучат растревоженно, взволнованно, хотя и – по сравнению с остротой женского плача – более сдержанно. Все повторяется дважды.

В сцене любовного адажио Айи и Юльты этот же напев звучит совсем по-иному. Поют вместе мужчины и женщины. Не только вся

мелодия первой фразы, но и её первая высокая нота звучит очень мягко, плавно, с каким-то милым удивлением и симпатией. Вторая фраза – некое умиротворённое, довольное рокотание голосов.

Таким образом, прямо идя от народной традиции, авторы балета двинулись не по линии обработки, европейского «достраивания» музыки на национальной основе, а совсем по иному пути, как оказалось, вполне плодотворному. Они пошли в глубь самой традиции, в глубь исследования её собственных возможностей, в первую очередь эмоционально-психологических.

В ещё большей степени все сказанное касается бубна.

Мы все слышали звук бубна и потому думаем, что имеем ясное представление о его изобразительных и эмоциональных возможностях. И мы считаем, разумеется, что они вполне скромны, эти возможности. Что, в самом деле, может круглый обод, обтянутый кожей?

Между тем эта необычная «музыка» способна оказывать очень сильное воздействие. Она берёт в свою власть с самых первых звуков, когда еще закрыт занавес. Спектакль начинается так: закрытый занавес и короткие удары бубна за сценой. Они размеренны и глухи – но не безлично глухи! Есть в этих сторожких звуках зловещая скрытность. Кто-то злой и коварный идёт крадучись на недоброе дело. Мерещилась даже какая-то смутная тень.

Потом, когда открылся занавес, и в юрте богача Иныла мы увидели его самого, надменного, с жёстким взглядом исподлобья, мы сразу узнали, о ком предупреждал бубен – о нём, об Иныле.

Впечатление небывалое, кажется, что если бы закрыть глаза и просто слушать бубен, все равно можно было бы понять и состояние людей, и содержание событий.

В первой картине, когда приспешники Иныла принимают решение похитить Айю, бубен тревожными, все учащающимися ударами предупреждает об опасности. Свершится? Спасется?

Прислужники вталкивают Айю в юрту, и, как крик, повисает одинокий, сильный удар бубна. А через мгновенную, неуловимую паузу, пока Айя осознает, зачем её привели, хлынет хаос, разноречие, смятение звуков – как отражение того смятения, которое затопило душу молодой женщины. Тревожная дробь то заколотится, как охлёстнутое опасностью человеческое сердце, то на мгновение станет еле слышной – словно обмерла душа Айи.

То бубен звучит чуть реже, как будто Айя силится что-то спокойно обдумать, найти выход. То звуки снова отчаянно бьются, как птицы в силках: нет выхода, нет выхода, нет спасения.

Вдруг прочерчивается резкая короткая линия – на пороге встал Юльты. Ещё одна чёткая, лаконичная линия – Айя прислоняется к его плечу. И тогда бубен начинает стучать медленно, расслабляясь, и каждый звук дрожит долго, как трудный вздох... А замершие зрители, наконец, переводят дух – разрядка. Много позже, вспоминая увиденное, мы поразимся полному слиянию «музыки» и хореографического «текста».

Надо заметить, что некоторые хореографы уже начали пристально присматриваться к бубну. В репертуаре Государственного ансамбля танца народов СССР под руководством И. Моисеева уже есть несколько танцев, идущих под бубен. В воинственном аджарском танце «Хоруми», поставленном им, бубен становится не аккомпанементом, а, если можно выразиться, «соавтором» Моисеева в создании острого, тревожного возбуждения, царящего на сцене.

У бубна, оказывается, есть даже средства индивидуальной характеристики персонажей.

Жёсткие, злые, заглушённые удары – тема Иныла. Светлая, лёгкая, скачущая дробь – олени. Характеристика немного меняется, когда в бой вступают Вожак и Согжой: прослушиваются сильные, тяжеловатые звуки, они выступают на фоне тревожного «тремоло» (смятение в стаде оленей), возвещая о приближении больших событий.

А звуковая вакханалия во время пляски шамана!

А выход «духов»! – сухие, мёртвые, исчезающие звуки канут, как вода в песок.

И наконец, радостный финал. Бубны бьют ладно, ритмично, наполненно, в зале сразу начинают похлопывать в ладоши, так принимается этот радостный ритм.

Сила воздействия бубна, его эмоциональное влияние связано ещё и с тем, что бубновое сопровождение в балете – импровизационное. Каждый раз исполнитель все начинает сначала, каждый раз именно он заряжает спектакль, и всегда – по-разному. Но захваченность событиями каждый раз должна быть такой высокой, чтобы вот сейчас, в присутствии зрителя, родилась, и грянула, и подхватила его буря человеческих страстей.

Глава 5. Танец

Что представляет собой танцевальный язык «Мэнго»?

Это есть сплав: определённое количество пантомимы, немного меньше акробатики и более всего – это танец, впитавший в себя все ведущие тенденции танцевальной традиции северных народностей.

Авторы не «осовременивают» эти традиции, но и не идут слепо по их стезе. Да это и невозможно! Скрупулёзное перенесение танца прошлого на сегодняшнюю сцену, педантичное следование традиции, по всей вероятности, сделало бы произведение сценического искусства музейным, застывшим. Авторы и здесь идут в глубь

национальной традиции, стремятся в идейных интересах раскрыть все средства её выразительности.

Прежде всего, постановщик строит все танцевальное действие на острых контрастах. Острота заложена в самом замысле балета.

«Мэнго» – его конфликт – это столкновение высшей поэзии человеческого отношения и бесчеловечности. Лучшее в человеке, делающее его венцом творения, выходит насмерть против худшего, уравнивающего человека с диким зверем. Насмерть! – другого не дано.

Обе эти позиции имеют в балете высшую точку самовыражения.

В необыкновенно целомудренном адажио Айи и Юльты раскрывается высшая человеческая красота. Самое сокровенное, неразменное выплёскивается из глаз Айи, когда она приближается к любимому. Она движется мягко, чуть согнув колени, фигура её слегка изогнута,

словно Айя и хочет побежать к Юльты, и стыдится быть перед ним резкой и шумной. Как они счастливо всматриваются друг в друга после разлуки! – словно глядя в зеркальное стекло, словно заново узнают и открывают друг друга. Интимны и трепетны их мягкие и плавные круги друг против друга – почти касаясь грудью, глаза в глаза, плечо с плечом. Вот, немного отодвигаясь, Айя протягивает к мужу руки, и мягкая волна нежно и зовуще прокатывается по ним от неуловимого всплеска её плечей. Потом, словно достигнув Юльты и отразившись от него, волна возвращается назад – от кончиков пальцев, по всей руке, к нежному лицу Айи, её сияющим глазам... И оттого, что танцуют не юные влюблённые, а муж и жена, прожившие рядом уже несколько лет, создаётся атмосфера особой, недостижимой чистоты.

Уже самую попытку покушения на эту красоту нельзя воспринять иначе, чем преступление. Разителен контраст двух сторон. Нежная, вся целомудренно светящаяся Айя и полуживой шаман, в мохнатой шкуре, упивающийся своей властью, содрогающийся в пароксизме кровожадности возле чудовищного костра! Шаман не ходит, а «про-никает», крадётся, как зверь, в его гибкой поступи есть дикая красота – красота хищника (тигра, сказала бы я, будь корякская сцена поближе к Уссурийской тайге). Лицо шамана густо разрисовано – именно для того, чтобы менее всего походить на человеческое. Не только в походке, но и в танце передано многообразно его сходство со зверем. В нем есть и скользкие движения змеи, и фанатизм волка, рвущего на куски добычу. И танец этот отражает состояние, в конце концов уже не контролируемое человеческим разумом. В конце танца шаман падает с пеной на губах, а тело все дёргается и дёргается в конвульсиях (признаться, несколько натуралистично).

Даже тогда, когда Е. Панкаринов (шаман) танцует спиной к залу, не проходит тяготение к аналогии на звериные и змеиные царства. Е. Панкаринов танцует ритуальный танец на полусогнутых, широко расставленных ногах, выгнув корпус. Вот он вздымает руки кверху – резко и дико! – он бьёт в бубен, но иступлённо раскачивается, не сходя с места – и посмотрите на его спину! Это – шевелящийся клубок мышц, жутковатый, словно клубок змей...

Таким образом, древняя, традиционная подражательность танца нашла в балете совершенно новое для себя выражение. Танцор передаёт не столько внешние примеры зверя, но стремится выразить суть его «характера» для того, чтобы выстроить с его помощью глубокий

человеческий образ. Мастерство перестало быть самоцелью, оно служит идейным задачам.

Пригодился постановщику для этих целей и традиционный танец «бег оленя», а также «бой быков». А. Гиль кое-что здесь «додумал», реализовал свои собственные впечатления и наблюдения, вынесенные из многочисленных поездок к оленеводам, в тундру. Корякская природа в балете опоэтизирована и возвеличена. Высокие, замедленные скачки оленей, их неспешные движения полны достоинства. Подражательные движения рук, которыми исстари северяне имитировали ход передних ног оленя, приобрели в балете эстетическую законченность, новую, точнее, слегка видоизмененную пластику.

«Бой быков» тоже перенесён почти в целостности, Согжой и Вожак повторяют почти все движения, имеющие давность, может быть, в столетия: так же становятся один против другого, медленно идут навстречу, хоркая, упираются лбами и так далее. Однако место каждого в действии балета известно, поэтому чётко обозначены и стремления и, если можно так выразиться, «характеры», «индивидуальности». И всё-таки бой быков выглядел бы в балете дивертисментом, если бы и он не нёс в спектакле серьёзной идейной нагрузки.

Во-первых, Согжой и Вожак своеобразно противопоставлены Инылу и Юльты. Это контрапунктное движение. Аналогия. Образ. Во-вторых, без этой пары, каким бы странным это ни показалось, не может быть до конца понят Мияги и все значение его решительного поступка-протеста.

Прежде чем прийти к нему, Мияги пришлось выдержать борьбу с самим собой, что-то в себе отвергнуть, преодолеть какие-то серьёзные внутренние препятствия. Чем труднее эта внутренняя борьба, тем выше и весомее и решение, и действие.

Мияги преступил законы покорности сильнейшему. Покорность воспитывалась веками. Но не на одной привычке она держалась. В окружающей природе люди тундры видели бесспорное подтверждение незыблемости и правильности этого закона. Так боги создали мир! Это вошло в кровь.

Такого рода «подтверждение» – Согжой и Вожак. Оба красивые, могучие. Один должен заплатить за это жизнью. Нет ни добра, ни зла. Есть закон природы.

Вот эти двое и мешали Мияги видеть истинную сущность взаимоотношений Иныла и Юльты. Их соперничество он воспринимал по аналогии и поэтому ничего противоестественного в убийстве Юльты

или насилии над Айей не видел. Он прозреет значительно позже, у жертвенного костра.

Однако жаль, что процесс духовного созревания Мияги в балете показан слабо. Мы встречаемся с Мияги только перед самым финалом. Ему явно не хватает подробностей бытия, у него «мало характера», ему недостаёт элементарного танца, элементарного действия. Сейчас, продолжая работу над балетом, постановочный коллектив исправляет этот недостаток. Смысл именно в том, чтобы показать, как чувства народа копились, зрели, прежде чем наконец излиться.

В спектакле великолепно задуман финал. Сцена освещается разноцветными софитами и становится нарядной и праздничной. И люди выходят одетые в праздничные, расшитые одежды. Идет народный танец «Норгали». Чистая цитата: «Люди переступают, взявшись за руки, немного приседая при шаге, четко и радостно «хекают» в такт. Танец идёт на две четверти, ритм очень бодрый, энергичный. Потом мужчины выходят с бубнами, окружают маленькую Мэнго и, держа бубны на всё возрастающей высоте, делают из них нечто вроде воздушной дорожки вверх. Бубны – как маленькие солнца, они круглые, а не продолговатые, такие доводилось видеть в некоторых амурских национальных сёлах. По бубнам, как по ступенькам, крошечная Мэнго бежит вверх и на самом верхнем бубне, над головами ликующих людей, танцует свой прелестный и наивный танец.

Восхождение по бубнам – не от желания произвести эффект (хотя он, разумеется, был), даже несмотря на то, что пятилетняя Лизочка Ильинская, танцующая Мэнго, чуть-чуть побаивалась колеблющихся под её ножками бубнов. Но дело ещё в том, что культ солнца и огня был чрезвычайно распространён на Севере. Солнце, редкий и недолгий гость, означало тепло, расцвет природы, радость. Спасённой Мэнго положили под ноги полтора десятка солнц! Велика была радость победы.

Таким образом, более близкое знакомство с балетом «Мэнго», с его фактурой, его постановочными принципами убедительно доказывает, что здесь мы имеем дело с новым и очень интересным подходом к национальной танцевальной традиции. С одной стороны, корякский балет может служить, в известной степени, наглядным пособием для тех, кто захотел бы познакомиться с некоторыми подробностями прежнего быта народа, с его танцами, напевами, особенностями духовной жизни, взаимоотношениями людей и т.д. Уже было

Лиза Ильинская – исполнительница роли девочки Мэнго

перечислено немало примеров, показывающих балет «Мэнго» в его тесных связях с укладом материальной и духовной жизни северян. И это далеко не все примеры.

Вместе с тем ансамбль вовсе не собирался замыкаться в узком этнографическом кругу. Не собирался демонстрировать национальную экзотику. «Экзотика» у него не цель, а только средство, и в качестве средства занимает подчинённое место. Характерные детали быта,

специфическая их окраска и т.п. важны постольку, поскольку могут способствовать развитию мысли, заострению конфликта, динамике действия, созданию образного строя. Как мы могли видеть, это равно относится ко всем компонентам спектакля, не исключая и оформления, лёгкого и компактного, не загружающего сцену.

А. Гиль обратился к фольклору для того, чтобы найти в народной копилке новые, то есть не открытые, не подозреваемые ещё средства художественной выразительности. И преуспел в этом настолько, что зажёгся идеей создания следующего национального балета, обнаружив буквально россыпи нераскрытого, неиспользованного материала.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ ТЕАТРЕ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Из материалов КЦНТ, 1969 г.

А что же дальше? Этот вопрос не может не возникнуть. Есть ли у этого коллектива будущее? Имеет ли он для культурной жизни северян значение неизмеримо большее, чем просто отличный коллектив художественной самодеятельности?

Многое даёт возможность ответить на этот вопрос утвердительно.

Во-первых, коллектив уже, пожалуй, сбрасывает с себя форму художественной самодеятельности и все более приближается к форме государственного предприятия. Корякский ансамбль танца, несмотря на то, что он состоит из колхозников, рабочих совхоза, постоянно гастролирует – не только на Камчатке и Чукотке, но и в соседних областях, в том числе в Якутии. Его представления – платные. У него есть свой художественный руководитель – Александр Гиль. Для него специально пишутся либретто и т. д.

Занятия ансамбля – не только репетиции очередной программы. Регулярно проходят занятия по классическому танцу, танцам народов мира. Первое время работали, по настоянию А. Гиля, специальные курсы для танцоров. Сегодня можно свидетельствовать высокий уровень танцевально-драматического мастерства участников ансамбля.

Может ли корякский ансамбль танца замкнуться в одних только рамках корякского танцевального фольклора? Он с первых же дней раздвинул эти рамки. Ведь фольклор, который является строительным материалом ансамбля, принадлежит не одним корякам, но и чукчам, ительменам и многим другим народностям, населяющим Север. С развитием экономики Севера быстро стираются обособленность и оторванность отдельных национальных меньшинств. Становятся массовыми смешанные браки. Исчезают мелкие диалекты, сближаются языки. Это приводит к возникновению и укреплению культурных взаимосвязей, способствует взаимопроникновению культур, их взаимообогащению. Нет никакого сомнения, что по мере дальнейшего развития Севера эта общность все более будет крепнуть. И при таких предпосылках можно предположить, что со временем на Севере возникнет и профессиональная национальная сцена.

До создания национального театра Севера, видимо, ещё очень далеко. Может быть, вначале это должны быть отдельные национальные спектакли при каком-то русском театре (музыкально-хореографического русского театра на Камчатке и Чукотке тоже пока нет). Может быть, возникнет смешанный танцевально-драматический национальный театр. Первые драматические спектакли появились на Севере, как уже упоминалось, почти сразу после установления советской власти. А может быть, это будет совершенно новый тип театра, в котором главное место займёт танец, как ведущая и наиболее старая тенденция в культуре северян.

Какими могут быть у национального театра взаимоотношения с русской и европейской культурой? Балет «Мэнго» частично ответил на этот вопрос, легко взяв европейскую форму спектакля, перенеся в свои условия некоторые принципы организации действия, костюмирования (трико для «духов», например), оформления и т.д. Разумеется, «процесс заимствования идёт под знаком национального преобразования воспринятого»²¹. И форма европейского спектакля взята не бездумно. Старинные ритуальные «действия» северян были тоже своеобразной формой драматического искусства. Эти действия были подробными, все в них, как можно судить по описаниям, было тесно связано, одно следовало за другим. Поэтому корякский ансамбль танца отринул как чужеродный элемент дивертисмент, присутствующий европейскому балету, и оставил то, что может быть понятно и принято.

Что же касается обогащения танцевального языка за счёт классики, то этот путь, подсказанный профессором Г. Гояном для национального театра СССР, видимо, не может быть полностью освоен искусством народов Севера. Классические пуанты, взлёты, пируэты и т.д. резко не соответствуют природе танцев Севера, которые, как уже упоминалось, родились в тесной и низкой юрте и характерными особенностями которых является движение на месте или на небольшом пространстве, некоторая «прижатость» к земле. Это искусство должно познать самое себя.

Впрочем, все это – дело будущего. Театр Крайнего Севера сегодня ещё находится в зародыше, в самом начале пути в большое искусство братских народов страны.

.....

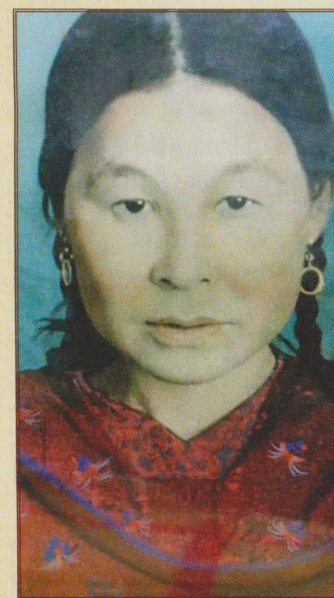
²¹ Цит. по книге Г. Гояна «Две тысячи лет армянскому театру».

Из дневников наших земляков

Шишканова Эльвира Алексеевна,
г. Петропавловск-Камчатский

РАССКАЗЫ ИЗ СЕРИИ «БИСЕР НА СНЕГУ»

Нутен

Нутен в молодости

Морозное солнечное утро совсем не по-весеннему обжигало холодным ветром лицо. В тундре стояла тишина. От солнца снег искрился мелкой россыпью бриллиантов. Бриллиант – дорогой, красивый камень. А если попадёт на него луч света, он заиграет всеми цветами радуги. Не каждый может его носить из-за его дороговизны. Так же, как не каждый сможет жить на севере, где обжигающий холод зимой, где морозы достигают до –60 градусов по Цельсию, где вечная мерзлота, где лето длится два или три месяца, а ещё и с комарами. То ещё лето! Север – это люди с характером бриллианта. Крепкие, стойкие, выносливые! Это те люди, от которых ты всегда сможешь получить помощь, тепло, мудрость и доброту. Север не любит ленивых и слабых.

В начале марта в солнечное морозное утро начались роды у молодой женщины по имени Нутен – родилась девочка! Сморщенное личико и маленькое тельце извивалась на руках у повитухи. Она ловко обтерла младенца нежным мягким пыжиком и завернула в мягкое нежное одеяльце, тоже из мягкого пыжика. Новорожденная совсем не плакала, а только лишь кряхтела и открывала жадно ротик, ища грудь матери. Нутен лежала в теплом уютном пологе, уставшая после родов. Она хотела пить. Женщинам после родов не давали воды, ей принесли свежесваренного оленьего бульона, он восстанавливает силы. Нутен отпила глоток и снова легла под тёплое одеяло, обнимая маленького ребёнка. С табуна вернулся Моллок – ему уже сказали, что у него родилась дочка. Он поспешно вошёл в ярангу, на ходу снял меховую кухлянку и сразу же нырнул в полог. Нутен посмотрела на него, ее глаза сияли, она перевела взгляд от него на девочку. Моллок протянул свои большие руки к новорожденной.

– Малета, Моллок («Осторожно»), – сказала Нутен.

Он с нежностью, неумело взял ребёнка на руки и поднёс к своему лицу. Тепло и запах младенца, молока матери нежно защекотало нос. Его сердце сжалось от необъяснимой любви к этому маленькому комочку. «Я стал папой», – подумал Моллок. Молодые родители были счастливы.

Нутен родилась в чукотской зажиточной семье. Когда-то её предки пришли на север Камчатки с верховья Анадыря, ища лучшие пастбища для своих оленей. Иногда приходилось воевать с коряками, отвоевывать земли. Несколько чукотских семей расположилось на Пахачинских землях, кто-то у Апуки. Семья Нутен ушла на место, где сейчас стоит село Ачайваям на Олюторской земле. Эти места богаты ягелем – главным кормом оленей. Реки богаты рыбой, а летом с восточного побережья Камчатки, с Берингова моря, в реки спешит лосось. У отца был большой табун оленей. Несколько тысяч оленей. Сам отец, его сыновья трудились день и ночь. Были ещё молодые парни – сироты, которых когда-то усыновили. Они тоже считались членами семьи. Их взяли в помощь по хозяйству. У чукчей принято, что если в семье нет детей, то кто-то из близких, своих же братьев или сестёр отдавали им своего ребёнка. И эти дети уже считались детьми бездетных родителей. Все они трудились.

У кровных дочерей, так же как и у матери, бабушки, на лицах были татуировки. Рисунок на лице означал с какого она рода и указывал

на их социальный статус. Это как паспорт. Татуировку делали только богатым женщинам. Когда Нутен стала подростком, старшие женщины сказали, что пора нанести рисунок на лице. Подготовили смесь из древесного пепла и жира. Хорошо скрученная нить из оленьей жилы. Нить тщательно обмазали этой смесью, вдели в иглу. Нутен положили на шкуру, голова лежала на коленях женщины. Одной шершавой рукой женщина держала молодое нежное лицо Нутен, в другой – игла с нитью. Первый стежок. Нутен скорчила лицо. На что сразу же отреагировала женщина:

– Не дёргайся, а то рисунок кривой будет!

Стежок за стежком, от кончика бровей по скулам до подбородка по две линии с одной стороны и другой, на самом подбородке пять двойных полос. Чуть выше переносицы до кончика носа еще две полосы. По краям бровей два крестика.

Лицо горело, боль нестерпимая. Женщины в юрте хлопотали. Горел костёр, вокруг него аккуратно сложены одинакового размера полукруглые камни. Варилось мясо, чайник булькал, и из носика, пытая, выплёскивалась вода. Женщина в лёгком кейкее (комбинезон) – наполовину обнажённое плечо и рука, толстая коса – побежала к чайнику, чтобы снять его с огня.

Время от времени Нутен давали попить травяной отвар. Он помогал немного заглушить боль. После, когда закончили, Нутен положили в полог, дали более крепкого отвара, и она заснула. Утром лицо опухло, было пунцово-красным, лицо так горело и болело, что она, не выдержав, выбегала на улицу и опускала лицо в снег. Немного становилось легче. Дни проходили, раны заживали. Лицо принимало обычный вид. Во время нанесения татуировки нельзя было плакать, кричать, надо стойко переносить боль, как и в любом другом тяжёлом и трудном деле. Твёрдость духа воспитывалась у детей ещё с детства. Их учили сдерживать эмоции и слезы.

Как-то приехали на оленьих упряжках дальние родственники. В красивых кухлянках, которые сшиты из отборных неблюев – полугодовалых телят. Мужчин хозяин пригласил в ярангу, сели за чаёткыльгин (низкий стол). Женщины захопотали. Одна из них занесла олений желудок с вилвилком – квашеная кровь с мелко нарезанными потрохами. В деревянном корытце уже были готовы отварные кусочки хрящей копыт, печёнка, лёгкие и сердце. Всё это приготовили, чтобы смешать с вилвилком, когда тот оттаёт. Мясо варилось и было уже

почти готово. На стол поставили туку²², только что приготовленную на углях. Чайники закипали. Будет долгий разговор. Яранга ожила.

Нутен зашла в ярангу. Мужчины спокойно разговаривали, и было слышно, что они говорят об оленях. Вся их жизнь была связана с оленями. Не зря якуты, эвены и русские с XVII века начали называть чукчей «чаучу» или «чавчу», что в переводе означает «богатый оленями». Говорили долго.

Рано утром, когда гости уехали, отец позвал дочь. Мама сидела рядом, мяла руками камус.

– Нутен, тебя сосватали. Когда повзрослеешь, будешь женой Яткиргина. Ты знаешь, они очень богатые и умелые пастухи. Ты и твои дети никогда не будут ни в чём нуждаться.

Нутен застенчиво посмотрела на мать – она посмотрела на Нутен. Мать была очень властной женщиной, всё хозяйство, все заготовки на длинную зиму были под её контролем. Когда починить покрывку яранги из оленьих шкур, сколько забить оленей, чтобы в начале лета засушить мяса и его хватило надолго? Какие шкуры пойдут на одежду, какие для выделки на ближайшее время, чтобы всегда был запас выделанных шкур? Какие шкуры пойдут на обмен во время ярмарки? Сколько хлопот!

Мать была рада этому союзу, что у Нутен будет богатый муж. Она ни слова не сказала, только лишь кивнула головой в знак согласия.

Нутен вышла из яранги. Лёгкий мороз с ветром словно привёл её в чувства. В голове девочки-подростка мысли о замужестве долго не задержались. Она слегка улыбнулась и побежала к своим сёстрам, которые ждали её с нартами, чтобы идти за льдом на реку.

Время шло, Нутен росла. Из нескладного подростка она превращалась в молодую девушку. Волосы, собранные в две тяжёлые косы по обеим сторонам лица, были украшены крупными бусинами и пуговицами. Татуировка уже не была такой яркой, она стала синеватой и красиво подчёркивала черты её лица.

Однажды приехали какие-то гости, видно, издалека. Олени были покрыты инеем, они тяжело дышали, их языки свисали набок. Вышли встречать все – и мужчины, и женщины. Женщины-чукчанки были одеты в кейкеи – комбинезон из оленьих шкур, подпоясанный поясом, на котором всегда висел женский нож. Широкие рукава, в области груди широкий разрез, что позволял во время работы

.....
²² Тука – хариус, запеченный целиком на углях.

высвободить одну руку и плечо. Они намочили свои волосы и косы ледяной водой, от этого волосы покрылись тонкой коркой льда и чёрные волосы искрились хрустальной россыпью. Этим женщины показывали, что никакой мороз им не помеха. Вот какие мы, чукотские женщины! Нутен тоже поспешила: опустила руку в воду, провела по косам. Холодная вода обжигала, словно кипятком, руки, но она не подала виду, что холодно. И выскочила вслед за женщинами.

Гости, наверное, какие-то важные. Для них забили оленей, женщины принялись бойко разделывать. Нутен взяла мясо, которое ей дала мать, и побежала в ярангу, чтобы поставить варить. Она посмотрела в сторону упряжки оленей, что была недалеко от жилища, там стоял молодой высокий парень в старенькой поношенной кухлянке. Он проверял оленью упряжь. Она задержалась, сама не заметила, что засмотрелась на него. Вдруг она услышала недовольный голос матери:

– Нутен, ток ин-э! (Нутен, давай быстрее!)

Нутен легко вбежала в ярангу и принялась помогать остальным женщинам. Она что-то пыталась делать, а её мысли убегали, из рук всё падало, сердце странно волновалось. Ей показалось, что очень душно, и захотелось выйти на улицу, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Она вышла, вдохнула, но это не помогло. Странно: ей очень хотелось посмотреть снова на этого парня. Украдкой она опять вышла из-за яранги, только хотела посмотреть, как услышала голос матери:

– Нутен, ты почему без дела болтаешься?

Взгляд матери быстро привёл её в чувство. Она вошла в юрту и больше уже не выходила.

Что было дальше? Моллок – молодой парень, высокий, стройный, с длинными ногами, с утончёнными чертами лица. Он был обычным парнем, но очень быстро бегал. Мог запросто пробежать от одного стойбища до другого, его длинные ноги были приучены к этому делу с детства. Моллок мог целый день бегать по тундре, ища оленей, которые откололись от общего стада. Трудолюбивый, с добрым сердцем. Он был прекрасен во всём, кроме одного – он был небогат. Этого парня полюбила Нутен.

Моллок, когда увидел Нутен, потерял покой. Она отличалась от других девушек. Татуировка на лице подчёркивала её природную красоту, твёрдый взгляд, весёлый и задиристый характер. Он старался отогнать все мысли о ней, занимался работой, оленями, но Нутен возвращалась в его мысли вновь и вновь. Когда они случайно встреча-

лись, их сердца отчаянно стучали. Нутен понимала, что она уже давно сосватана другому, но ничего не могла поделать со своими чувствами.

Однажды Моллок пришёл в ярангу родителей Нутен. Они долго говорили, о чём – Нутен было не известно. После трудного разговора родители дали согласие на женитьбу Моллока на Нутен, но с условием отработать за невесту три года. Три года Моллок спал у порога яранги зимой и летом, ему давали самую скудную еду, иногда кости с небольшим остатком мяса. Мать Нутен, женщина с властным характером, постоянно покрикивала на него, иногда могла даже обзывать. Всё это делалось для того, чтобы однажды Моллок не выдержал и сказал, что отказывается от своего намерения жениться на их дочери, и уйти. Но он выдержал все три года самого тяжёлого труда, голода и унижения. Делал все это ради любви к Нутен. Нутен тоже его любила, и это ему давало силы. Говорят, что если женщина-чукчанка полюбит, то это навсегда. Три зимы, три коротких лета позади, он пришёл к родителям Нутен и сказал:

– Я отработал три года. Готовы ли вы отдать за меня Нутен?

На что ему ответили:

– Нет.

Его сердце бешено колотилось, в голове стучала кровь. Он почувствовал, как комок подкатывает к горлу. «Только бы сдержаться, только бы промолчать, только бы сдержаться», – повторял он про себя. Он выскочил из яранги и побежал по тундре. Бежал, бежал, бежал, пока не упал на мягкий ковёр из мха. Лёгкий осенний ветерок трепал волосы Моллока, словно глядя его по голове и успокаивая. Мимо пролетела небольшая птичка и как будто пропела ему: «Не печалься, все будет хорошо!»

Этим временем родители Нутен посоветовались и решили: больше не медлить и выдать замуж Нутен за Яткиргина.

– Хватит ждать, пришло время отдавать Нутен. Будем собирать-ся, – сказали родители.

Прошло время, Нутен выдали замуж, она жила в семье мужа. Внутри неё зародилась новая жизнь. Она слегка округлилась и от этого стала еще милее. Беременные женщины трудятся как и все. Нутен должна была вставать раньше всех. Пока все спят, очаг должен уже гореть, готова утренняя еда. Само жилище должно быть всегда чистым, одежду из оленьих шкур следует постоянно проветривать, за ней надо тщательно следить. Так как пастух, возвращаясь из табуна, часто приходит вспо-

тевшим, надо сразу же поменять всё на сухую одежду. Полог (меховую комнату для сна), постель из мягких шкур нужно время от времени выносить на улицу и трясти. Ко всему этому готовить еду, принести воды или льда зимой. Работы постоянно много. За всей этой работой Нутен думала о Моллоке. Её сердце было далеко, там, где он.

Яткиргин – невысокого роста, молодой, красивый, ловкий, с одного раза мог поймать из стада любого оленя. Он ловко заваливал оленя набок. Воспитан по всем законам тундры. Его походка была слегка упругой, по тундре он шёл легко. На праздниках разодет в самые красивые одежды, вышитые мамушками. Его торбаса были сшиты из камуса самых лучших оленей. Он из тех чукчей, зная которых можно описать характер чукотского народа – гордого, вспыльчивого, неустойчивого в достижении поставленных целей. И в то же время чувствительного, нежного и привязанного к близким, родным людям. Он не отступал перед трудностями, наученный с малых лет находиться среди оленей, знал все премудрости этого дела. Ведь для чукчей, как и для всех северных людей, олень – это хлеб. По крайней мере, это было во времена наших бабушек и дедушек. Сейчас мы живём в совершенно другое время, когда хлеб стал всему голова и он должен быть всегда на столе. А мясо? А его уже почти нет...

Итак, 1944 год. По всей Камчатке установлена советская власть. Шла война. А далеко в тундре среди снежных сопок, среди рек, покрытых льдом, там, где ночью небо, начиная с октября, в морозные ночи полыхает северным сиянием, стояли небольшие стойбища. Среди этого бесконечного снежного простора – маленькие яранги, покрытые оленьим покрывалом. Там далеко жили люди.

Лето было хорошим. Телята, которые родились ранней весной, окрепли, набрались сил, подросли. Они научились держаться в стаде со всеми оленями. Летовка в этот год была хорошей, табун вели по старому маршруту к морскому водопою на восточное побережье. Олени, которые не первый год проходят этот маршрут, идут не спеша, зная точные тропы перехода. Оленеводы внимательно смотрят, чтобы табун не разбежался, особенно когда начинается грибная пора. На дневном дежурстве находятся только опытные пастухи. Олешки очень любят грибы и теряют голову, когда, ускоряя темп, они бегут туда, где много этого лакомства. В это время оленеводы почти весь день бегают, держа оленей вместе, чтобы не было отколов. Хорошо обученные олени всегда держатся вместе.

Морской водопой! От него зависит, сколько мясо дадут олени. Перед тем как напоить оленей морской водой, им долго не дают пить. А когда стадо подходит к морю, почувствовав солёный воздух, море, они начинают ускорять ход и бегут, чтобы напиться, и их даже не надо подгонять. Олени, которые попробовали однажды солёной воды, этот вкус уже не забудут. И они торопятся, чтобы вновь напиться этой воды. Олени очень любят соль. Молодые олешки, хоть и держатся в строю, но тоже ускоряются, волнуются, бегут к морскому берегу. Потом олени пьют столько морской воды, что становятся похожи на большие бочки. Выходя из воды, они сопят, хоркают. Оленеводы гонят стадо в тундру. Гонят долго, не дают ложиться оленям, все время подгоняют и идут всю ночь. Только когда олешки вернутся в свою обычную форму, не напоминающую большую бочку, им дают отдохнуть. Стадо кормится ягелем и пьёт пресную воду. Лето закончилось. Табун возвращается обратно в стойбище, где проводят большой осенний праздник Вильгынкоанмат – возвращение стада домой с летовки.

Шёл пятый месяц, под сердцем Нутен билась новая жизнь. Ребенок Яткиргина. Как-то Нутен и Моллоку удалось встретиться, они решили тайком от всех убежать. Моллок сказал, что будет ждать её на оленьей упряжке, ночью, пока все будут спать.

Закончился октябрь. В начале ноября выпало достаточно снега. Ночь. Небо было ясным, ярко светила луна, звезды мерцали так ярко и так низко, что не нужно было никакого огня. Моллок ждал. Вдруг где-то в ночи послышались шаги. Это торопливо шла Нутен.

– Нутен!

Моллок побежал ей навстречу.

Она шла, в руках у неё был малахай. Ей было жарко, она тяжело дышала. Они встретились. Моллок приобнял ее. Сердце билось у обоих так громко, словно играли бубны. Они любили друг друга и были готовы на всё. Бежать на край света, преодолевать трудности, но только быть вместе. Упряжка была готова. Моллок нежно посадил Нутен на нарту, сам быстро и ловко запрыгнул, взмахнул элоэлом (хлыст для управления оленями), присвистнул, и олени помчались в темноту. Мчались, увозя их вдаль.

Они ехали почти всю ночь. Чтобы Нутен не замерзла, Моллок приготовил теплую меховую одежду, нарта была застелена оленьими шкурами. К тому же Нутен была накрыта меховым одеялом. Он знал, что Нутен ждёт ребёнка.

Сколько они ехали, не знаю. Приехали они в район Слаутного, там стояли стойбища и сам Моллок был родом с этой земли. Он остановил упряжку, завязал оленей, и они вошли в юрту. Там их уже ждали. Накормили горячим отварным мясом. Нутен немного поела, попила бульона и легла в пологе, она устала. Переживания, долгая дорога отразилась на её состоянии. Она сразу же уснула.

Под утро Яткиргин проснулся, Нутен рядом не было. Обычно женщины встают раньше, чем мужчины, и принимаются хлопотать, но в яранге все спали. Стояла тишина.

– Где же Нутен? – подумал Яткиргин.

Он вылез из тёплого полога, надел лёгкую нательную рубашу из ровдуги (оленья замша). Сон ушёл. Он развёл костёр, повесил чайник, накинул меховую кухлянку и вышел на улицу. Морозец, снег потрескивал под ногами. Эхо от его шагов разносилось по тундре. Он остановился. На сердце была какая-то тревога, волнение, неизвестность. Когда он вошёл обратно, в яранге начали просыпаться. Лицо Яткиргина было мрачным.

Зимой, когда поднимается солнце, снежные полукруглые сопки, похожие на яранги, покрываются нежным розовым покрывалом. Солнце, словно поглаживая сопочки, извиняясь за холод и мороз, приветствует землю. Яткиргин знал, что не так далеко стоит стойбище и беглецы наверняка будут там или проедут мимо этого стойбища. Он был решительно настроен догнать и вернуть жену. Иначе это будет позор. Он наспех собрался, запряг ездовых оленей. Взмахнул элоэлом, острый наконечник коснулся оленей, они глубоко захватили воздух и помчались. Яткиргин мчался, он не замечал встречный ветер, мороз, который покрывал его малахай лёгким инеем. Кухлянка искрилась мелкими пылинками снега. Он мчался.

Моллок знал, что Яткиргин не оставит свою жену так просто. Он был готов к встрече и ждал его. Он услышал, как собаки на улице заволновались, подали голос. Он понял: подъезжает Яткиргин. Накинул кухлянку, вышел на улицу. Нутен сидела внутри.

Яткиргин остановил оленей, ловко спрыгнул с нарты, спокойно завязал оленей. Олени тяжело дышали. Видно, что он их гнал. Их взгляды встретились. Оба были напряжены и готовы расставить все точки прямо сейчас. Из яранги вышел хозяин и пригласил всех в жилище. Яткиргин выпил только горячего оленьего бульона, от еды он отказался. Нутен сидела, замерев, решалась её судьба. После недолгого

разговора старейшины предложили им бороться. Победитель забирает Нутен. Борьба на улице, в независимости от погодных условий и температуры воздуха. Мужчины борются с голым торсом. Соперника надо положить на спину в снег и удержать его в таком положении как можно дольше. Моллок и Яткиргин согласились со старейшинами, оба были настроены на победу. Скинув с себя верхнюю одежду, оголив торс, они приготовились к схватке. Жители стойбища встали кольцом, замкнув круг. Люди оживились, кто-то оживлённо говорил, кто-то желал успеха, женщины что-то шептали друг другу. Одна Нутен молчала. Когда кто-то из старших крикнул: «Тоок!», началась борьба.

Борьба была долгой, ни один из них не хотел уступать. Оба ловкие. От их тел шёл пар. Глаза устремлены друг на друга, чтобы не пропустить не единого движения соперника. Руки вытянуты вперед, чтобы сделать крепкий захват, торс слегка наклонен вперед. Дыхание ровное. Вдруг Моллок захватил противника за бедра, ноги Яткиргина поскользнулись, оба упали на колени, держа друг за друга. Моллок, не теряя времени, вдруг сделал ловкий поворот, и Яткиргин, сам того не понимая, оказался на спине на снегу. Он не чувствовал холода, не чувствовал колющий снег, который впивался в его кожу. Моллок крепко держал его и все глубже втапливал в снег. Лицо Моллока низко склонилось к лицу Ятткиргину, и он сказал:

– Говори при всех, что ты отдаёшь мне Нутен!

Люди в толпе оживились. Послышались радостные возгласы, кто-то был разочарован.

Яткиргин тихо сказал:

– Отдаю.

Его голос был похож на шипение, полное злости и позора.

– Говори громче, чтобы все слышали!

Минутная тишина. Слышно было даже, как пролетающий ворон машет крыльями. Нужно было набраться сил и сказать. Он, лежа на снегу, тряхнул головой, скидывая снег с лица, и неожиданно громко сказал:

– Отдаю. Нутен не моя.

Этого позора Ятткиргин никогда не забудет.

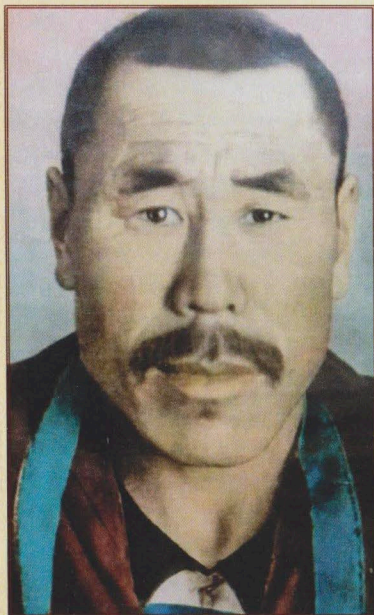
Прошло время, и Нутен пришла пора родить. Это были её первые и последние роды. Молодые и счастливые Моллок и Нутен жили в своей яранге. Подростала маленькая дочка, её называли Коян, что в переводе означает «быстрая, как олень, дающая жизнь». Спустя ка-

кое-то время они переехали жить в посёлок. Моллок заботился о своей семье. Работал, где мог, и воспитывал свою дочку так, чтобы она умела все. Нутен обучала женскому искусству шитья и всем женским премудростям. Иногда взрослые женщины устраивали соревнования между девочками. Женщины брали бубен и начинали петь, а девочки должны были танцевать. Та, кто продержится дольше всех, получала приз – маленький мешочек разноцветного бисера, который был тогда в дефиците. Для девочек это было сравнимо с тем, как получить мешочек с сокровищем. Иногда девочки плакали от усталости, но всё равно продолжали танцевать. Приз получала сильнейшая. И после того как она его получала, гордая и счастливая девочка прижимала заветный мешочек с бисером к сердцу.

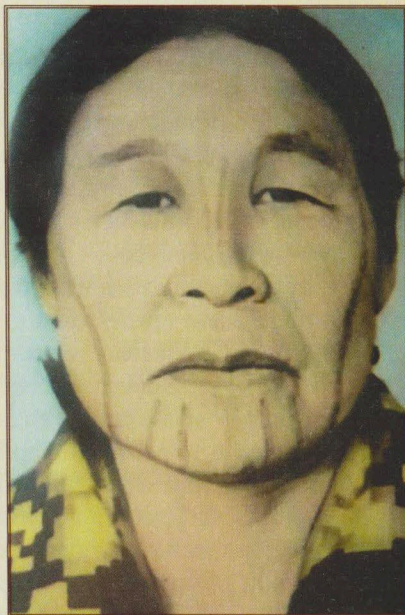
Когда Коян пошла в школу, ей дали русское имя Марина, а её имя стало фамилией Коян. Коян Марина. Моллок научил её всему. Он говорил: «Мало ли что в жизни будет, ты должна научиться всему». И она училась. Они вместе ходили на рыбалку. Он учил, где стоит рыба подо льдом, где может быть пережат, а где глубина. А после пешней делали лунки, закидывали самодельные снасти и ловили рыбу. Отец учил, как правильно установить таганок в снегу, чтобы сварить чай на костре и приготовить еду. А потом они пили чай, жарили на углях хариус – туку и радовались. Она научилась строить юкольники, балаганы. Летом Коян выходила на реку и управляла резиновой лодкой. Она умел «читать» течение реки, правильно ставить сети, чтобы они были полны рыбы. Она смотрела, как ловко разделявают рыбу женщины, брала нож и училась. Коян не только разделявала рыбу, но, и как все женщины, ловко свеживала оленей. Она научилась как мужским делам, так и женским. Моллок был счастлив. Иногда заходил Яткиргин, он приносил подарки для своей дочери. И Коян знала, что это её родной отец. Родители никогда это не скрывали. Они всегда могли общаться. У неё было два отца, которые её любили.

Яткиргин тоже женился, у него родилось три сына. У сыновей было такое же мастерство, как у отца, мастерство оленеводства. Выносливые, упорные, они проводили всё время с оленями.

Время перемен шло в полную ногу, и это коснулось всех. Пришло время коллективизации. Уже не было больших личных табунов, а были личные олени, у каждого члена семьи. И за это надо было платить государству, что они пасутся на государственной земле. Многие семьи переехали жить в сёла. Перебрались из меховых яранг в деревянные

Моллок

Нутен

дома. Те, кто спал впервые на кроватях, боялись, что упадут, и крепко держались за кровать. А чаще они брали шкуры, расстилали их на полу и спокойно засыпали.

Старики, которые не могли жить в домах, ставили у дома маленькие яранги и жили своим привычным укладом. И у нашей старой избушки в Ачайваяме стояла меховая юрта. Бабушка Нутен жила там.

Нутен не было еще пятидесяти лет, когда заболел Моллок неизлечимой болезнью. Он ушёл, как говорят старики, к «верхним людям». И Нутен иногда смотрела вдаль, словно кого-то ожидая, она смотрела молча, глаза ее были влажными. Иногда она брала бубен, начинала играть на нём, мелодия заполняла весь дом. Она пела свою песню. Наверное, в это время она думала о своём любимом и скучала.

Однажды Нутен была дома. Кроме неё, никого не было. Пришёл в гости Яткиргин. О чем они говорили, никто не знает. Прошло около часу времени, он поспешно вышел, повесил на дверь замок и ушёл.

Спустя какое-то время Нутен нашли мёртвой. Как потом выяснилось, в стакан была подсыпана отравы. Её можно было спасти, ока-

жись кто рядом. Ей было всего лишь немного за пятьдесят. Это была плата за любовь Нутен к Моллоку.

Уже нет рядом Нутен, Моллока, ушёл Яткиргин... Ушла и дорогая наша мамочка Марина. Она навсегда останется в наших сердцах. Жива та любовь и уважение к людям, которыми она щедро одарила нас. Благодаря ей мы научились смело смотреть в будущее, преодолевать трудности, сохраняя достоинство и стойкость.

Мама научила нас не держать в сердце обиду и злобу, уметь прощать и любить.

Нуйкавье Людмила Иннокентьевна,

с. Тымлат Карагинского района, 2025 г.

ОВАЛЕ – ПОЦЕЛУЙ

Начало лето – это время, когда солнце на севере Камчатки почти не заходит за горизонт. И оно настолько низко висит, словно хочет разглядеть каждый листочек, цветочек, ягодку в тундре. Старается приласкать своим скудным теплом, приобняв каждого, и подарить свой солнечный поцелуй. Белые ночи! Природа как будто даёт фору, чтобы успеть всё за короткое северное лето.

В это время тундра оживает. Возвращаются птицы с юга, они устраивают свои свадьбы. Даже куропатки, застенчивые и пугливые, принаряжаются, красят брови красным цветом, ходят важно, не обращая внимания ни на кого, громко поют свою куропачью песню. Весь май и июнь поёт маленькая, серенькая птичка. Она не особо приметная, но, когда поёт, вся тундра наполняется звонкими переливами этой певуньи и становится еще краше. Она поет, и тундра вновь оживает. За короткое камчатское лето тундра успевает не только зацвести, но и дать свои плоды.

Маленькое селение Подкагерное на северо-западном берегу Пенжинского залива. Это было селение осёдлых коряков, оно стояло ещё до прихода первых казаков на Камчатку. Названо по расположению у реки Подкагерной (корякское название – Поткагынын – «двухустьевая»).

Когда тундра принаряжалась после долгой зимы, ранним утром чайки взволнованно летали над Охотским морем, громко и радостно перекрикивая друг друга. Воздух, насыщенный капельками воды, был густой от запаха морской капусты, соли и свежей рыбы. Жители Подкагерной

начали поспешно собираться. На море пошел уёк (мойва – морская лучепёрая рыба семейства корюшковых. Длина тела 25 см, масса до 52 г).

На сбор уйка вышло все селение. Это интереснейшее и увлекательное занятие, когда тонны маленькой рыбки подходят к берегам на нерест. Стараются собрать как можно больше, а после сушат прямо на камнях, на берегу. Набивали полные мешки этой вяленой рыбой. Рыбу ели и сами жители, и кормили ею собак.

Как раз в это время, 5 июня 1955 года, когда шёл уёк, в одной корякской семье родилась девочка. В те времена каждый ребёнок был желанным, их ждали, как самых дорогих гостей. Девочку назвали Овале, что в переводе с корякского «поцелуй». Папа называл её ласково и сокращенно – Ова.

Совсем ещё маленькой девочкой, Овале, как и многие дети, должна была время от времени переворачивать уёк. Детям давали приспособление, похожее на самодельные грабли, и в их обязанность входило переворачивать периодически с боку на бок рыбу, которая вялилась на камушках на берегу. Нудная процедура для маленького ребёнка! И в какой-то момент у Овале вдруг созрел план – куда-нибудь сбежать от повседневной рутины. Ова выпрямила спину, взгляды её стал škодливым, но как только она собралась уйти, вдруг услышала голос отца:

– Ова, не уходи, надо рыбу переворачивать.

От взгляда опытного охотника не ускользнёшь!

Интересная история получилась у Людмилы Иннокентьевны с именем. При выдаче документов о рождении Овале написали имя Мария, а в другом она была записана Людмилой. Несмотря на всю эту неразбериху, родители в семье звали своих детей именем, которое они давали при рождении.

В те времена в маленьких глухих селениях не хватало грамотных специалистов. В сельских Советах работали свои же односельчане. В документах было много неточностей в датах и в именах. Если ребёнок рождался в тундре, в табунах, в рыбацком стойбище, то при выдаче документа ставилась примерная дата рождения. Давали русские имена. Имён было у них в запасе, наверное, не так много, как вспоминала Людмила Иннокентьевна, поэтому в одной многодетной семье могли быть две Дарьи, две Марии.

Раньше у коренных жителей не было отчества и фамилии. При рождении давалось только имя. И чаще всего при выдаче паспорта

это имя становилось фамилией. Если не было русского имени, то в паспортном столе могли вписать имя, какое тебе понравится или какое они запишут. Отчество могли дать по имени отца или тоже выбрать, какое понравится. Например, имя Коян, которое родители дали при рождении, стало фамилией.

В семье Овале – Людмилы у родителей было 14 детей. Не все выжили, кто-то умер в младенчестве. А когда в семье родился долгожданный сын, мальчик Осип, старейшины рода устроили большой праздник. Впоследствии этот мальчик стал знаменитым на весь мир! Народный артист России Иосиф Иннокентьевич Жуков всегда был большой гордостью семьи.

Когда село Подкагерное закрыли, семья переехала в Рекинники, которое находилось там же, на северо-западе Камчатки, у Пенжинской губы. Для тех, кто там родился, вырос, – это была самая прекрасная земля. Рядом росли ягоды: шикша и брусника, жёлтым ковром стелилась морошка. «Какая там навага! – вспоминала Овале. – Серебристая и на вкус нежнейшая!» А сколько там весной пролетает птиц! Возвращаются с юга домой на самый север утки, гуси, лебеди. Когда птицы пролетают родные края, они словно оповещают всех:

– Эй! Смотрите, смотрите все – мы вернулись, мы дома!

Некоторые стаи кружатся над тундрой, словно проверяя, все ли на месте после их долгого отсутствия, и потом наверху начинается птичий гомон, радостный гусиный переполох. Значит, будут садиться на кормежку. Весна! Все радуются. Всё оживает.

Слушая с каким упоением рассказывают о своей малой родине те, кто родился и вырос на этой земле, понимаешь, как они любят и скучают по тем местам.

Отец Овале, Иннокентий Яковлевич Амтыняв, был охотником. Он умел читать следы на снегу, умело ставил капканы. От добытой им пушнины зависела жизнь семьи. Летом проводили время на рыбалке. Заготавливали рыбу впрок. Солили, делали юколу, как себе, так и собакам.

Мама – Ильяэн Дарья Николаевна. Все: и дети, и внуки – звали её ласково Ымма, что в переводе с корякского «бабушка». Близкие и родные говорят, что она была «золотым» человеком. Добрая, открытая, Дарья Николаевна могла отдать последнее, если кто-то в чём-то нуждался. Она первая бежала на помощь. За доброту и отзывчивость её любили не только родные, но и односельчане.

Родители приучали детей к труду и к суровой жизни в тундре, воспитывали бережное отношение к природе, прививали любовь к старикам. Отец и мать много дали своим детям. Они никогда не повышали голос, и дети с почтением относились к своим родителям и старикам. Пререкаться со своими родителями, старшими в семьях коряков не приветствовалось, поэтому детей воспитывали в уважении к старшему поколению.

Семьи были большие, многодетные. Если во время обеда или ужина, когда дети с родителями ели или пили чай, приходил гость, дети сразу же вставали и выходили из-за стола. Этим жестом они приглашали к столу гостя, а сами уходили. Если были маленькие дети, то более взрослые дети забирали малышня и уходили, чтобы не мешать взрослым. Родителям не надо было напоминать об этом, дети знали, как себя вести. Дети никогда не находились во время разговора взрослых. Никто не бегал, не мешал под ногами, гости никогда не видели, чтобы дети капризничали или требовали к себе внимания. Старшие девочки несли посуду, накрывали стол, молча подавали угощение. Наливали свежесваренный чай. Угощали всем, что было. Чайников в семье чаще всего было два. Пока с одного пьют, другой уже кипит.

Родители спокойно обучали детей навыкам тундры. Девочки с пяти лет уже могли делать нитки из оленьих жил, и их изготавливали впрок, чтобы в любой момент они были под рукой. Они учились мастерству шитья, внимательно следя за каждым движением взрослых женщин. Каждая девушка и женщина умела шить одежду без выкройки, точно на глаз. Мальчиков учили премудростям выживания в тундре, правильному выпасу оленей и др.

Овале было восемь лет, когда она пошла в школу в селе Рекинники. Из-за затяжной болезни пошла позже. Практически все дети говорили на родном языке, в школе пришлось учить русский язык, так как дома говорили только на родном языке. В Рекинниках школа была до 4-го класса. После детей в конце августа или в начале сентября увозили на МРСке в село Каменское Пенжинского района. (Район образован 1 апреля 1926 года. Находится на севере полуострова Камчатка и занимает площадь 116,1 тыс. кв. км. Это самый большой район.) Уезжали дети в Каменское на целых девять месяцев. Девять месяцев без родителей, без их тепла, любви и поддержки. Скучали ли родители? Конечно, очень. Скучали и старики. Провожая детей, ро-

дители никогда не показывали свои эмоции, тайком отворачиваясь, они смахивали слезы. Комок подкатывал к горлу, хотелось кричать: «Не забирайте моего ребёнка!» Они долго смотрели вслед уходящей барже, увозящей детей от их быта, жизни кочевников, культуры, языка. Увозили от жизни, которая уже никогда не будет прежней.

Родители собирали своих детей. Скромный мешок из оленьей ровдуги, вещей было не так много, самое необходимое. Клади в дорожку отварное мясо, побольше юколы (тэвэл), корякских лепешек (тайкаклево) и тот самый уёк.

Детей перевозили в трюме МРСки. Перевозили до тех пор, пока не произошёл несчастный случай. Утонула девочка. Как и когда это произошло, из детей никто не узнал. Людмила говорит, что подняли их очень рано, взрослые были напряжены, кто-то испуган. Была суета. Их пересчитали, велели никуда не выходить, всем сидеть на одном месте. После этого случая детей стали перевозить вертолёт Ми-4.

Вертолёт прилетал во все стойбища, селения в определённое время. Дети дружно, весело бежали к вертолёту. Младшие братья и сестры мечтали: «Вырасту и я тоже полечу!» Детей собирали со всего Пенжинского района. В первый раз на вертолёте или на барже – это захватывающее путешествие. Приключение, интересно! Потом все новое: село, интернат, расселяли по комнатам. Только вечером, когда ребёнок ложился в холодную кровать на новом месте, он вдруг вспоминал, что он за целый день в суе не вспомнил о родителях. Ребёнка душила тоска. Горло вдруг сжимало, неудержимо хотелось плакать, и слезы сами катились на подушку. Он чувствовал себя таким одиноким и брошенным...

В комнате тоже кто-то всхлипывал, наверное, тоже вспомнил родителей и хотел домой. В интернатах их одевали, выдавали вещи – от нижнего белья до верхней одежды. Весной все вещи нужно было сдать. Они давались на время школы. Появилось в рационе много новых блюд. Об этом много разных историй, когда дети пробовали новую еду и какова была их реакция. Что-то нравилось, а что-то не очень. Но к чему дети не могли привыкнуть, так это к свинине. Говядину ещё кое-как ели. И то не все. Впервые попробовали кисель, гороховый суп, гороховую кашу.

Утро начиналось рано. Подъём, надо заправить постель, умыться, позавтракать, потом дети хватали свои портфели и дружно бежали

в школу. Уроки, обед, продлёнка, различные кружки, занятия. Кто-то привывал, у кого-то появлялись друзья. А кто-то очень хотел домой.

В Каменском училась одна девочка из Оклана. Оклан не так далеко от Каменского, примерно 39 км. Она постоянно убегала домой, её возвращали, вскоре она опять убегала. И так было много раз, пока не решили оставить её в покое. Она осталась с родителями. Таких историй было много. Кто-то через несколько дней бежал в аэропорт в надежде, что вертолёт их отвезёт обратно домой. Пытались убежать. И когда на следующий год прилетал вертолёт за детьми в школу, некоторые убегали в тундру, прятались, надеясь остаться дома.

Но зато после окончания учебного года, когда дети возвращались домой на летние каникулы, они бежали с вертолёта со своими маленькими свёртками. Обнимали своих младших братьев, сестёр.

Родители с радостью обнимали своих детей и начинали заниматься своими делами. Лето. Время рыбалки, сбор дикоросов. Заготовка на зиму лосося. Его солили, делали юколу, как себе, так и своим собакам впрок. И тогда вдоволь можно было набегаться по родной тундре. Ах! Почему лето такое короткое?!

А вы задумывались, почему северные песни такие затяжные? Когда поют песни, кажется, будто у ней нет конца. Певец поёт свою родовую мелодию, и не устаёшь её слушать. Песня – она как тундра, просторная, уходящая вдаль. Хочется крикнуть: «Э-э-э-эй!» И тебя все услышат. Полётится песня, её подхватит листочек и понесёт песню над тундрой. Только захочет коснуться земли, тут же подхватит ветерок и понесёт её вдаль, неся песню пастуха на руках ветра. Оттого и песни затяжные, чтобы её могли услышать вся тундра, сопки, небо, море.

Маленькая девочка с красивым именем Овале – Поцелуй росла. В интернате появилось много подружек из разных сёл. По осени в Каменском они все вместе выходили за брусникой, голубикой и шикшей. Собирали, чтобы зимой варить морс. Зимой играли в снежки, к варёжкам и штанам прилипал снег, и дети были похожи на снеговиков. С красными щеками они забегали в интернат, все батареи, сушилки были завешаны детскими варёжками, валенками и штанами. И конечно же делали мороженое. Снег со сгущёнкой! Наверное, это было лакомство всех детей советского времени. Один раз в неделю детей водили в баню. Детская жизнь – это как кино. Жить здесь и сейчас.

А в 1970–1971 годах детей с Рекичник стали отправлять на вертолёт с западного на восточное побережье в маленькое рыбацкое село

Ильпырь Карагинского района. Ильпырь стоит на косе, обдуваемый всеми ветрами.

Василий Герасимович Нуйкавье. Василий – немногословный, уравновешенный юноша, спокойный. С крепким характером, но добрым сердцем. С красивыми чертами лица. Сын зажиточного оленевода. Людмила впервые увидела Василия в интернате в Каменском. Он на четыре года старше. Как и все старшеклассники, на малявок внимания не обращал. Но Людмилу (Овале) можно было запомнить по звонкому смеху, кстати, её смех до сих пор такой же звонкий. Невозможно забыть её веселый и бойкий характер.

У Людмилы была подружка – эвенка с Оклана, озорная, светлая, круглощёкая девчонка. Когда им было лет по 12, они вдвоём дразнили Василия. Он жил в восьмой комнате. Подойдут, откроют двери тихонечко и кричат:

– Чабан! Чабан!

А он сидит на кровати, читает книгу, привстанет, как будто собирается их догнать, а они бегом от него по коридору, заливаясь смехом. А он спокойно сядет и продолжает спокойно читать свою книгу. Людмила вспоминает, как весело им было!

Когда они уже жили с Василием и у них были уже взрослые дети, вдруг Людмила вспомнила эту историю:

– А помнишь, как мы тебя дразнили в интернате?

– Конечно помню, ты была ещё в красных штанишках.

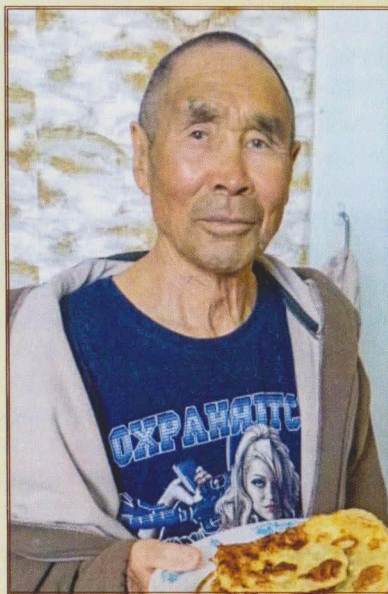
Другая история. Ещё в интернате они дразнили Броженко Олега. Он учился в девятом классе, а она в шестом. И он, чтобы напугать девчонок, размахнулся солдатским кожаным ремнём с большой бляхой со звездой. И когда размахивал, нечаянно бляхой ударил по лбу Людмилу. Кровь брызнула, полилась струёй по всему лицу. Олег так испугался, схватил её за плечи, начал судорожно вытирать кровь со лба, с лица. А кровь текла, запачкав не только Люду, ну и самого Олега. Испугавшись вида крови, она давай кричать и плакать. Шрам остался на всю жизнь.

Наши бабушки и прабабушки знали, кого выбрать в жены для своих сыновей. Они знали семьи, где растут девочки, как они воспитаны, умеют ли шить и управлять хозяйством. Хотя время было уже другое, советское, но мамы для своих сыновей хотели лучших жён.

Однажды летом в Рекичниках пришла в гости к родителям Овале Кучинав Мария Алексеевна, так звали маму Василия, она была под

Людмила Иннокентьевна Нуйкавье

Дядя Вася Нуйкавье

мухомором. Разговаривая с тётёй, Дарьей Николаевной Котгининой, Кучинав увидела Людмилу (та была ещё подростком) и сказала: «Вот это девочка будет женой моего сына, так сказали мухоморы». Этот разговор услышала Людмила, но особого значения этому не придала.

Как-то зимой дедушка ехал на собачьей упряжке в Ильпырь, чтобы навестить своих родных. Он проезжал мимо табуна, где работали родители Василия. Кучинав, узнав, что он едет в Ильпырь, собрала для Людмилы посылку: самые лучшие куски отварной оленины, отварные языки, костный мозг.

Людмила росла, вскоре она забыла этот разговор. Василий перешёл в девятый класс, он не доучился – тянуло в тундру, к родным. Хотелось уже заняться мужским делом, которым занимались его отец, дед, прадед. Когда парню 16 лет и он родился в тундре, сложно усидеть за партой. Ноги так и хотят убежать в тундру! И он ушёл. Всю жизнь он проработал оленеводом. Он знал все премудрости оленеводства, этого нелёгкого дела.

Когда Людмила окончила школу, вернулась к родным домой. Позже, в Рекинниках, Люда и Василий встретились. Они поженились,

родились дети. Василий забрал Люду в табун. Она стала ему верной спутницей и помощницей. Они прожили вместе всю жизнь, деля радости и горе, трудности и минуты счастья.

После рождения дочери в 1981 году они переехали в село Тымлат Карагинского района. Село Рекинники закрыли. Новое место, Тымлат, стало родным. Иногда в разговоре со своими близкими, друзьями они вспоминают Рекинники, маленькое село Подкагерное и их жителей, которых уже нет давно.

Иосиф Иннокентьевич Жуков, брат Людмилы, в память о родных местах поставил танец «Подкагернские девушки» и показал его в Тымлате, приехав на гастроли со своим корякским фольклорным ансамблем «Ангт». Многие женщины, бабушки в зале плакали. Движения, манеры, возгласы – все было точь-в-точь как это делали их мамы и бабушки. Это трогало их сердца, и они на мгновение перенеслись в маленькое уютное село, которое осталось только в их памяти.

Людмила Иннокентьевна и Василий Герасимович прожили свою жизнь в селе Тымлат, сохранив искреннюю привязанность и взаимопонимание на протяжении многих десятилетий. В июне 2025-го Людмила отметила своё семидесятилетие, а её супругу исполнилось бы семьдесят четыре года. Их отношения были наполнены добротой, заботой и бескорытием, выраженными в ежедневных поступках. Эта любовь была тихой, глубокой и всепрощающей, демонстрируя способность дарить тепло близким людям даже спустя годы испытаний и жизненных трудностей.

В этой истории многие увидели себя или своих родителей, живших в советскую эпоху. Вся их жизнь проходила в оленеводческих звеньях, на рыбалках, они вели традиционную хозяйственную деятельность. Они помнят рассказы своих родителей, дедушек, бабушек о той прошлой жизни, в которой были традиционные праздники, национальная одежда, речь на родном языке. Но проходит время, мы вступили в 21-й век, жизнь коренных малочисленных народов меняется под давлением цивилизационных процессов. Уже нет многотысячных табунов, нет высокопрофессиональных оленеводов, остались единицы мастериц по пошиву национальной одежды. Уже не ходят по посёлку в национальной одежде: в красивых кухлянках, расшитых искусственными узорами торбасах, малахаях. Исчезли собачьи упряжки. «Где же это все? Народ, который забывает свой язык, культуру, свою историю – он исчезает», – рассуждает Людмила Иннокентьевна.

**Притчина Мария Ельковна, 1933 г. р.,
старожил с. Тымлат Карагинского района**

Хочу познакомить вас с удивительной, маленькой, хрупкой женщиной со стойким характером. Историю своей жизни она рассказала мне сама.

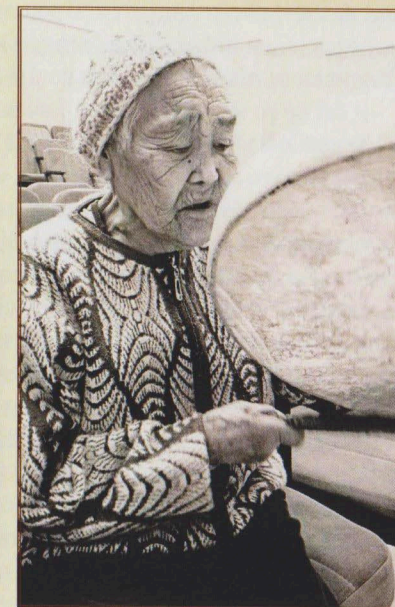
Родилась Мария Ельковна в маленьком селе Лесная Тигильского района 27 сентября 1933 года. В паспорте год её рождения записали 1937.

Мария Ельковна корячка-чавчунка, то есть оленная. Она очень рано осталась сиротой. Сначала не стало отца, спустя какое-то время умерла мама. Она ушла и не вернулась. Её нашли в ущелье Карагинского острова. Определили по чёрным, длинным волосам, которые развевались на ветру. Девочка сразу же поняла, что это мама. Оставшегося без родителей ребёнка решили определить в детский дом. Какая же судьба её там ожидала? Трудно представить. Маленькая девочка говорила только на родном языке. Родной дядя долго обивал пороги органов власти, чтобы девочка росла в его семье, с его детьми. И маленькая Мария осталась в семье родных ей людей.

Она осталась в родном селе, среди свои земляков, всё было рядом и привычно. Благоухающий запах тундры, когда ты стоишь среди цветущего весной багульника. А по осени от багульника чихаешь – когда идёшь по тундре по этим кустам, то пыль от него поднимается и начинает щекотать твой нос. Она часто ходила в тундру. Смотрела, как спеет оранжевая морошка в начале августа, а затем её манили целые ковры голубики, шикши, брусники. Было такое ощущение, что кто-то крупный бисер рассыпал по тундре. Она росла среди олешек, среди песен и сказок, которые поздними вечерами рассказывали старейшины. Так вспоминала своё детство Мария Ельковна.

В 14 лет ее отдали замуж за Притчина, родом из маленького рыбацкого села Карага. Он был значительно старше Марии. Взяв её в жены, сказал, что не тронет её, пока она не подрастёт и не повзрослеет. Прошло несколько лет, и она стала полноправной его женой. Вскоре родился у них единственный сын – Володя. В 2025 году Володе исполнилось 70 лет.

Андрей Притчин, знаменитый каюр знаменитой гонки «Берингия», многократный чемпион, является родственником по мужу. Когда он бывает в селе Тымлат, то в первую очередь всегда навещает Марию Ельковну.

Мария Ельковна

Жизнь человека тундры и моря непредсказуема. Умер муж Марии Ельковны. Спустя несколько лет она вышла замуж во второй раз за Танвила Якова Петровича и переехала жить в село Тымлат. Со вторым мужем работали и жили в табунах, она ловка справлялась с делами чумработницы.

Однажды, ещё по молодости, Мария Ельковна поправляла оленью упряжь, она наклонилась, и в это время олень лягнул её, удар пришёлся по лицу. От этого удара Мария Ельковна потеряла зрение на один глаз. Позже Андрей Притчин возил её на операцию, что-то поправили, но зрение восстановить так и не удалось. Но это ей не помешало стать участницей знаменитого фольклорного ансамбля «Нунун» в селе. Она со многими сверстницами пела и танцевала. А танцевали так, что дух захватывало!

В 2022 году я пришла как-то в гости к Марии Ельковне. Ей тогда было 89 лет. Не было уже в живых её второго мужа. Жила она с сыном Володей. В квартире – все самое необходимое, без всяких излишеств. Когда я зашла к ней, она радостно хлопала в ладоши, как обычно

она делает, когда радуется. Прошли в крохотную кухню. В тазу размораживался лосось. В кастрюльке варился суп. Чайник закипал. Усаживая за стол, Мария Ельковна спросила:

– Ты не голодная? Может, хочешь кушать?

Такой вопрос она часто задавала детям, кто оставался сиротой. Всегда чем-то хотела им помочь. А если не могла, то печально смотрела, наклонивши голову. Это отпечаток её трудного детства. Она часто говорила: «Что такое быть сиротой, я знаю», но никогда не открывала самые печальные стороны своей жизни.

Потом Мария Ельковна села на стул и начала жаловаться на ноги:

– Эх, говорили мне старики, не ходи в капроновых колготках, ноги будут болеть! А я не слушалась. Теперь болят.

На самом же деле, сколько было этими ногами пройдено – тысячи и тысячи километров по тундре! По холодным рекам, болотам в резиновых болотных сапогах, по глубокому снегу.

В 2025 году в марте мы были в селе Тымлат. В один из дней в сельском Доме культуры был праздничный концерт. Марию Ельковну, которой тогда исполнился 91 год, в клуб привела Светлана Петросян, она заботится о ней и помогает во всём. Маленькая, с палочкой, чистенькая, ухоженная Мария Ельковна, не спеша, села в первом ряду. Многих она уже не узнает, забывается, теряется во времени, но звуки бубна, родовые напевы будто разбудили её. После концерта Мария Ельковна попросила бубен, крепко взяла в руки родной инструмент и палочку. Удар за ударом, заиграл бубен, полилась мелодия. Она закрыла глаза и запела. Пела долго, какую-то свою песню, песню о своей жизни. Слушая её, я представила, что она поёт о тундре, о родных. Устав, она закончила и бодрым голосом спросила:

– А где мама всех пенсионеров? – так она называет Свету Петросян. Хочу домой.

Пришла Светлана. Мария Ельковна бодренько встала, и они пошли домой.

Эта маленькая история о маленькой женщине, которая прожила целую эпоху.

Александр Сергеевич Киевлян,
с. Аянка, Пенжинский район

ОБРЯД ПРИЕМА ПРИЕХАВШИХ С ЯРМАРКИ

Необязательно с ярмарки. Оленеводу-участнику тоже нужны были и чай, и табак, и прочие товары, которые приобретались или в Марково, или в селе Пенжино в обмен на пушнину, шкуры, жилы, камуса оленей, мясо и т.д.

Обычно за товаром выезжали в начале марта – конце февраля, чтобы успеть вернуться к отбивке маток оленей – отёлу.

Брали с собой 8–10 грузовых нарт, ездовых оленей и оленей на питание на случай, когда они понадобятся в качестве обменного товара.

Помимо промышленных товаров, приобретались лахтаки, ремни, ножи пареньские и т.д.

И вот они вернулись. Появился приближающийся аргиш, сзади гонят свободных оленей. Заблаговременно наготовили раствор дубильной краски из ольхи.

Двое встречающих берут горящие головешки из костра юрты. Становятся на обочине дороги лицом к движущемуся аргишу, пропускают весь аргиш и бросают в сторону, откуда прибыли, головешки, как только пройдёт последняя нарта.

Аргиш остановился, люди приветствуют приехавших, как принято в семье. Ездовых оленей распрягают, но сразу не отпускают, их предварительно отмечают ритуальными знаками. А знаки такие: обводят краской круговую полосу вокруг морды оленя чуть выше глаз, а туловище обводят краской по тому месту, где обычно располагается алык, вдоль туловища – по месту прохождения потягов или уздечек.

А тех оленей, которых гнали свободно за аргишом, естественно, не красят, ведь их пришлось бы предварительно поймать.

Первые слова после традиционного приветствия:

– Како еттык?! (О, пришли!)

– Ии-и! (Да)

Обычно затем следовало у встречающих полуприветствие-вопрос: «Нымель-эу?» (Благополучно ли все?).

И, смотря по ответу прибывших, домашние принимали предохранительные меры. У входа в юрту снаружи по бокам клали горячие

угольки от костра или прямо у входа, чтобы прибывшие прошли через очистительный огонь родного очага. Ведь по непреложному убеждению кочевника-оленевода, у костра существовал хозяин, обитающий под землёй, непосредственно под костром.

Эти «меры» принимались обязательно, если прибывшие информировали родичей, что там, откуда они прибыли, был тэчың (грипп). А в то время это было страшным бичом жителей тундры, и, не зная природы болезней, они это приписывали проделкам нечистой силы – келе (черт, или дьявол, или все вместе).

Поскольку тэчың представлялся им как нечто одушевлённое, видимое только шаманам (эңеңлык), то он (тэчың) появится только позже – в ночное время.

Для охраны жилья от нечистой силы на улице у входа оставляли обязательно снеговывивалки, сделанные из оленьего или бараньего рога, а то и деревянные. И не просто оставляли, а втыкали в снег, направив конец выбивалки в сторону дороги, по крайней мере – от входа юрты.

Выбивалка, как правило, оборонительное средство мужчин. У женщин своё «оружие». Тоже самые обычные вещи: дощечки для скребления, кройки шкур, двуручная палка, куда вставляются скребки для выделки шкур.

Эти вещи устанавливаются на «караул» тоже у входа в юрту, но изнутри. Считалось также, что собаки способны предостеречь людей от пришествия тэчыңа (хворобы). Но не любая собака на это способна, а только такие, у которых бывают надглазные белые точки. Таких собак тоже привязывали у входа в юрту.

В ночное время ни в коем случае не оставляли вход в юрту открытым. Ведь в темноте огонь внутри юрты виден издали и может служить хорошим ориентиром для странствующих, подобных келе.

Когда возвращались в родное стойбище издали члены семьи (тогда было в порядке вещей турне по многим стойбищам, как правило, разбросанным по обширной тундре на многие сотни километров), тоже окрашивали морды у оленьей пары легкой упряжи. Но не дубильной краской, а углём – тоже вокруг морды обводили полоской впереди глаз.

Если прибывшие опять-таки давали знать, что в пути попадались неблагополучные стойбища, то домочадцами принимались вышеперечисленные меры безопасности. Итак, обряд покраски оленей различен, смотря по тому, откуда прибыли путешественники.

Но и привезённый товар подлежит тоже «приёму очага» – родным гнездом, так сказать. Сейчас назвали бы это мероприятие, вероятно, оприходованием. Очень буднично звучит. А тогда оно возводилось до ранга священнодействия.

Во-первых, сразу по приезде экспедиторов в юрту заносились лишь те продукты, которыми пользовались в пути (чай, табак, сахар и т. д.), все остальное нетронутым оставляли на улице до завтра. На следующий день торжественно пригонялось стадо к юртам, забивали жертвенного оленя сзади юрты. Туда же подвозили весь привезённый груз, на тех же грузовых нартах, устанавливали шеренгой, передом к юрте. Между нартами разжигали ритуальный костёр. Левее нарт с товарами устанавливали мильгинеңет (наргы для хранения бубнов, амулетов и прочих священных атрибутов).

Юрту опоясывали иъуричэ (священный ремень, долженствующий охранять обитель от разорения, удерживать основное богатство – оленей – у законного хозяина очага юрты).

Кровью только что забитого оленя, взятую из раны животного, проводят мазки на задних копыльях грузовых нарт, на концах передников. А в ритуальный костёр бросают щепотки всех сыпучих или съедобных товаров, а промышленные, скобяные и прочие товары, специально приобретённые для нужд в хозяйстве, устанавливаются как бы для обозначения – ничего не утаено, все сначала хозяину очага, а с ним и Бытию – Вагрину (Верховному существу).

После этого товар считался освящённым, приобщённым ко всему «домашнему».

ЧУКОТСКИЙ СКАЗ ДОБРЫЙ КОРЯК

СЕРГЕЙ КИЕВЛЯН

ТОО "КЭНГИНИ"

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

В прошлом, давным-давно, чукчи враждовали с коряками. Друг друга грабили и убивали. Нападали ночью с криком и свистом на жилища, когда люди спали. Налетят, перебьют сонных и разграбят все.

Награбленное не делили, а брали кто что сумеет захватить, сколько сможет забрать на нарту.

Потом бежали к стаду. Каждый торопился отделить и угнать к себе как можно больше оленей.

Набеги часто делали и потому, что молодым «шевеление»¹⁾ нужно было. Они брали с собой ко-

¹⁾ Шевеление — развитие ловкости и силы.

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

пья, ножи и луки, учились владеть оружием, учились ловкости. Если ты ловкий и сильный будешь, тогда останешься жив и у тебя будут олени.

Но устали люди жить в постоянной тревоге.

— Если будем и дальше так друг друга грабить и убивать, ни чукчей, ни коряков не останется. Худо будет.

Так говорил один старый коряк. И вот однажды он нашел на сопке двух спящих чукчей-сирот. Спрятал недалеко оружие пасту-

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

хов и разбудил их. Вскочили они, видят — конец пришел.

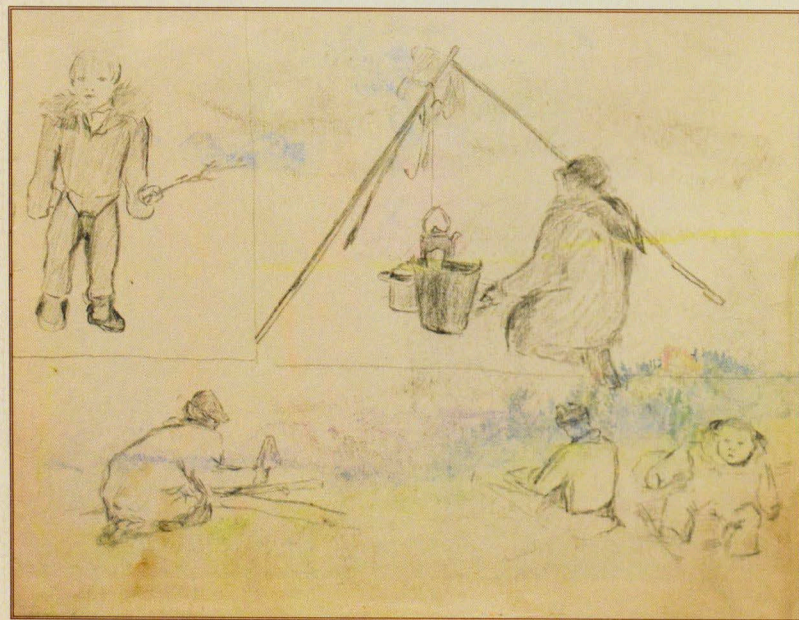
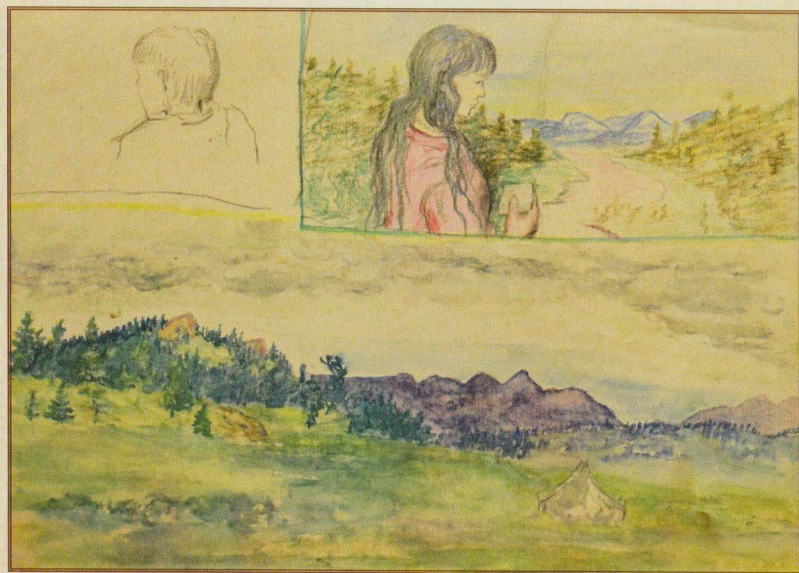
— Ну что ж, убивай нас, — сказали сироты пришельцу.

— Нет! Зачем? Разве мало крови напрасно пролито, хаэтит, — ответил мудрый коряк и не тронул молодых пастухов.

Весть об этом растеклась по тундре. Стали думать: правильно поступил старик. И реже враждовать стали. А потом чукчи с коряками и совсем забыли про вражду, даже друзьями сделались. Вместе стали устраивать гонки на оленях с подарками победителям. Хотя это давно было, но старый коряк, наверно, добрый был человек. Конечно, так!

ТСО "КЭНГЫНЭЙ"

Долган Илья Петрович.

*Записи передала дочь Алина Марина Ильинична,
с. Аянка, Пенжинский район, апрель 2025 г.*

Мой дед

Его звали Николай Семёнович Баранов. Его сыновья: Фёдор, Семён, Мартын, Кирик, Василий. Дочь одна – Анна.

В 1930-х годах была перепись населения. Видимо, тогда наш род Барановых переделали в Долган. Отца моего записали Петром, когда его звали Фёдором. Помню, его друзья звали его «Педра» всегда.

Фёдор был старшим сыном. Ну, надо полагать, что дед ждал внука. Женил он моего отца на нашей маме, её звали Прасковья Спиридоновна Чуванец. И вот они народили ему сперва двух внуков: Анастасия, Ирина. Третьим появился его долгожданный внук – это я, нарекли меня Ильей.

По рассказу же деда моего, я родился летом, на реке, сейчас по карте называется Кургучан. Ночью. Дежурный табун Кирик около озера (Аришаг' тон'ар – Чёртово озеро). Гром, молния подожгли землю. Кирик пригнал табун и в спешном порядке начал уходить от огня. Эвены ездили только верхом. Собрали весь скарб на оленях. Оленей поймали, навьючили их и вниз по реке Аманриндя – Кургучан. (Аманриндя – так эвены называли реку Кургучан. Такое пояснение нам дала дочь Ильи Петровича Марина Ильинична.)

У матери свой олень (тоже дед рассказывал, подошёл к ней). А меня, наверное, мать держала на руках при кочевке на олене (об этом дед не говорил).

Сейчас я удивляюсь и восхищаюсь здоровьем и мужественностью своих предков. Мать только что меня родила и села на оленя с ребёнком на руках. Это был 1930 год на реке Аманриндя около озера Аришаг' тон'ар, чуть ниже речки.

О бабушке. Она дочь купца, русская, украденная, унесённая на конях верхом, умыкнутая девчонка, которая хотела что-то необыкновенного. Могилка её находится на Кургучане (Аманриндя).

1940 год.

Началось объединение в артель кочевников-оленьеводов, охотников, кочующих по долинам реки Пенжина, притоков реки Омолон, истоков рек Ерополь, Ваеги. Это чукчи, эвены, коряки.

1941 год.

Прикочевали оленеводы, охотники. Первое большое стойбище основали здесь. Юрт, помню, было много. И чукотские, корякские, эвенские. Был один бревенчатый домик, где мы, дети, стали учиться.

Первыми учителями были Горьков Алексей, Хмелёк Пётр Минович, Пономаренко Фёдор Васильевич. Первый учитель по ликбезу – Ксения Наривлич.

Первыми учителями-строителями были Остапец Марк Тимофеевич и наши учителя. Первой учительницей по огородничеству и хлебопечению была Пана, жена Остапца.

Переводчиком в школе по русско-эвенскому языку был Солодяков Феофан Ильич.

Первым председателем туземного совета был Уяган Дмитрий Прокопьевич.

Первым председателем артели был Долган Павел-апаппу.

Первым медиком-доктором – Анна Петровна Зубкова, которая вышла замуж за первого ветврача Трофимчика Сергея Кондратьевича, тут, в селе Аянка.

Первый тракторист Лощенов, трактор – ЧТЗ (Челябинский тракторный завод). Трактор появился уже в 1954 году.

Первым председателем, бухгалтером артели (как называлась артель, не помню) был Солодяков Феофан Ильич. Он мой учитель по составлению всех бухгалтерских отчетов (двухсистемная, итальянская).

Хочу, чтобы не забывали свой родной язык эвены. Родной язык очень глубоко связан с природой. Пока я еще думаю что-то (боюсь старческого слабоумия), хочу составить словарь эвенский, где говорится о природе, о боге.

Надо к этому делу привлечь эвенов, живущих на Камчатке.

В первую очередь – это Оклан. Почему Оклан?

Я раньше часто бывал в Оклане. Встретил как-то детей, откуда-то бежали. Спрашиваю:

– Где сельский Совет?

Они друг на друга посмотрели и между собой говорят:

– Эсны Гиришков улчимир (с эвенского «Нет, Григория спрашивал»).

Ребятишки на своём языке, на моём языке говорят. Я по-своему, по-эвенски:

– Айдит («Правда»), Григорий Солодяков.

Дальнейшие встречи с эвенскими детьми я опишу. Обещаю, что будет интересно, если кто-то мне поможет.

Из архива Софии Игоревны Бобрышевой,
с. Анавгай, Быстринский муниципальный округ

Медведи

Медведей на Севере много. Белые и бурые. Большие и маленькие. Злые и добрые. Тундровые и полярные. На Камчатке их тоже хватает. Все бурые. В берлогах они живут по одному, по двое, а иногда и по трое. Ладят, иногда ссорятся. По причине и без причин. Если собрать их всех вместе, большой табун получится.

Откуда медведь на этой земле? Одни говорят, что сам Куткыняку дал его сюда, чтоб тот пас оленьи стада, но не учёл мишкиной лени. Забыл, что тот всю зиму спит, а олени – нет. И разругались оленьи табуны с медведями, прогнав их от себя в тундру за нерадивость. С тех пор и враждуют, мол, между собой.

Но где мог взять Куткыняку медведя? И где он сам? Никто не видел Куткыняку, и легенде этой веры нет. Но есть и другая. Её все живое в тундре знает. И нередко пересказывают друг другу, как назначен был хозяин тундры.

Лето в тот год на Камчатке стояло сухое и жаркое. Такого ещё никогда не было на этой земле. Реки пересыхать стали так, что рыба на нерест не могла пройти. Птицы приумолкли, воды не стало. На что выносливы олени, а и те полегли на землю. От жажды. Мох крошился под ногами собак. Суслики, соболи, лисы, волки поглубже норы вырыли. Но и там нельзя было спастись от жары. Она доставала всюду.

В беде все стали винить друг друга. Хотя раньше все считали себя хозяевами земли камчатской.

От жары стали трескаться сопки. И камни, падая вниз, губили все на пути своём.

Семь высоких вершин было на Камчатке. Семь великанов. Уходили головами далеко за облака, к самому солнцу. К ним, как к последней надежде, обратилось все живое Камчатки, умоляя послать дождь на землю, сдержать смерть, гибель.

Семь дней просили великанов вступить за жизнь на земле. Жалобы дошли до скал. Услышали они стон и плач земли. И решили обратиться за помощью к небу.

Первым просителем стала самая старая скала, слывшая мудрою. Её седая борода почти до пояса выросла. И ума в голове её было

больше, чем у других. Стала скала просить небо о дожде. Не услышан был голос.

Тогда вторая скала, слывшая самой доброй, обратилась к небу. Но тоже безуспешно.

Вызвалась третья. Сама примирительница. К солнцу обратилась. Просила не палить землю. Но и она не была услышана.

Самая сильная скала заговорила. Но в ответ – молчание.

Дошла очередь и до седьмой скалы. Самой молодой. Она среди других красотой выделялась. Совершенством контура её от подножья до вершины все восторгалась.

И заговорила скала:

– Небо! К тебе обращались братья мои. С мольбами и просьбами. Уговаривали пощадить землю ради жизни на ней. Но ты не услышало их слов. Глухим осталось сердце твоё. Почему ты осерчало на землю? Кто прогневил тебя? Скажи, кто обидел! Ведь вместе с виновными умирают невинные. Пощади их. Оставь губительную силу свою. Если нужна тебе чья-то жизнь, то мы созданы тобой. Возьми мою. Я погибну, но пусть живёт земля. А если и этого недостаточно, то дай земле то из живого, кто именем с тобой связан будет. Пусть силой, добротой своей он всегда напоминает всем об этих днях. Кто сумеет наказать виновного и уберечь невинного, кто станет посредником меж тобой и всем живым на земле.

– Дам я хозяина тундре камчатской. Наказаньем и спасеньем ей он станет.

Грянула с неба молния в вершину седьмой скалы. И разрушила её до основания. В ту же минуту дождь пошел. Вода реки наполнила. Ожила тундра, напоила её обитателей.

В радости никто не заметил семерых медведей, спустившихся со скал. А они поселились в тундре и стали её хозяевами. Бережливыми, справедливыми.

Они научили зверей делать запасы еды на зиму. Оленьи табуны – кочевать по тундре. Рыбам – реки для нереста от коряг и завалов очистили. А долгими зимами спали в берлогах, как добрые, усталые хозяева, отдыхающие от забот и хлопот.

Всю весну, лето и осень трудятся медведи в тундре. Соболу и белке подскажут, когда пришла пора собирать орехи. Оленей на новые пастбища отгонят. Себе, а заодно и песцам, и горностаям рыбы впрок напасут. Каждое дупло и нору по осени проверят – все ли к зиме готовы, у всех ли жильё есть.

Никто теперь не спорит – кто в тундре хозяин. Не живут всяк по себе. Все медведей слушаются и боятся. От крохотного суслика до оленя. С медведями во всем советуются. Даже птицы, и те свои беды и радости медведям выкладывают. Никто не спорит с мишками, никто не ругается с ними.

А придёт пора нереста для рыбы, глянет медведь в небо, и тут же дождь пойдёт. Приготовились все к зиме, и опять мишка морду вверх задрал. Глянешь утром, а тундра белым-бела. Вся в снегу утонула.

Заворочается под боком медвежонок, запыхтит беспокойно, и медведь опять – глаза на небо. Оно и одарит солнцем да весной.

С тех пор и считают, что никак нельзя тундре без медведя. Он каждую минуту ей нужен и её хозяин.

Но откуда же они взялись? Никто понять не может до сих пор. Помнят лишь, что в день дождя появились над скалами-братьями на небе семь звёзд. Ярких. То ли в честь скал, выпросивших жизнь тундре у неба, то ли...

Конечно! Ни при чём тут скалы! Ведь и теперь созвездия эти Большой и Малой Медведицами зовут. В честь хозяина тундры, посредника между землёй и небом. Это каждая мышь в тундре знает.

Конечно, иные могут и не поверить. А вы приезжайте к нам на Камчатку, придите в тундру, станьте незаметно у старой берёзы и обязательно увидите, как заблудившийся, отставший от матухи медвежонок, став на кочку, задерёт к ночному звёздному небу забавную мордашку свою и, отыскав созвездие Медведицы, жалобно крикнет:

– Ма-ма! – и медведица тут же приходит к мальцу. Услышала.

Случается, и взрослые матери-медведи, видно, уже по старой памяти, зовут или просят к созвездиям. Тянут к ним лапы и кричат, как малыши:

– Ма-ма-а!

И звёзды, словно услышав родные голоса, улыбаются с неба. Верна ли старая легенда? Кто знает. Но есть на небе созвездия с этим именем. Есть и хозяева в тундре. Хорошие. Настоящие. Их здесь все берегут и любят.

Вслушайтесь. Они ещё и теперь маму зовут. Вот и не поверь тут сказке!

Щука и Баран

Баран пошёл к реке напиться, и вынырнула из речки Щука и говорит:

– Давай бегать, Баран, вниз по течению: хочу я проверить, правду ли про тебя говорят.

Баран согласился. Условились они встретиться через три дня. Все эти дни Щука плавала по реке и предупреждала всех Щук:

– Как только увидите Барана, так кричите: «Я здесь!»

И вот настал день соревнования. Баран побежал во всю мочь, но всегда он слышал:

– Я здесь!

И вот, кое-как добежал Баран до того места, а Щука уже там:

– Я здесь!

Так Щука обхитрила быстроногого Барана.

Ссора рыб

Однажды Камбала и Хариус поссорились. Спорили они, спорили, и дело у них дошло до драки. Хариус вообще был сильнее, и он свалил Камбалу и начал её топтать.

Топтал её долго, пока не стала Камбала плоской и приплюснутой.

А вокруг них плавал Конек и приговаривал:

– Так её, у-у-у, злюка!

И стал у Конька маленький ротик.

А Щука тоже смотрела на дерущихся и каталась на животе от смеха, и растянулся у Щуки рот до ушей.

Так и остались на всю жизнь: Камбала – плоская, у Щуки – рот до ушей.

Лиса и Волк

Однажды Волк убил Барана и стал есть. Тут, откуда ни возьмись, – Лиса. Подбежала Лиса к Волку и говорит:

– Амто, братец! Давай вместе есть.

Наелись они и легли спать. Волк уснул крепко, а Лиса примотала все косточки к одной палочке и привязала к хвосту Волка, а потом как крикнет:

– Убивают, беги, Волк!

Волк вскочил и давай бежать что есть духу, а косточки у него на хвосте гремят и ещё больше пугают Волка. Бежит он так, бежит, вдруг повстречал Медведя.

И говорит ему Медведь:

– Что это ты привязал к хвосту и от кого ты так бежишь?

Тут только заметил Волк, что висит у него на хвосте. Ох, и разозлился же Волк и пошёл искать Лису!

А Лиса, после того как убежал Волк, доела Барана, а потом сорвала листок с дерева, прилепила его к глазу и пошла себе по лесу.

Идёт она и встречает злого-злого Волка.

Волк зарычал:

– Ах, вот ты где, негодница!

Лиса:

– Да ну, что ты, Волк! Я давно здесь живу и все меня знают. Видишь, у меня нет одного глаза.

И пошёл Волк дальше, а Лиса долго смеялась над глупым Волком.

Электронный реестр объектов нематериального этнокультурного достояния Камчатского края

ТРАДИЦИОННЫЕ ИГРЫ С МЯЧОМ В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ КОРЯКОВ

Капыл – мяч (с корякского)

Игра в мяч – одна из самых распространённых игр у коряков. Об этом писали учёные, исследователи, путешественники в своих трудах. В настоящее время учреждения культуры – Камчатский и Корякский центры народного творчества – в период фольклорно-этнографических экспедиций фиксируют воспоминания жителей, в основном Корякского округа, о корякском мяче, его предназначении и технике изготовления.

Ранее игра в мяч входила в комплекс погребально-поминальной обрядности коряков, о чём подтверждают записи экспедиций конца XX – начала XXI в. Об этом говорят наши информанты, записанные в ноябре 2024 г. в Олюторском районе. Сидорова Антонина Петровна из с. Тиличики рассказала о том, что в детстве видела в с. Верхние Пахачи Олюторского района, как играли в мяч на похоронах (кремации): «...Ну, когда погребение идет, когда сжигали человека, начинаются веселые игры. Никто не должен горевать, а должны веселиться, потому что человек уходит туда, к верхним людям. И чтобы у него хорошая дорога была, все старались – играли с этим мячом. Мяч шили специально для игры на похоронах и впоследствии сжигали, в семье их не держали».

Но мяч был не только атрибутом для игры на похоронах. Также игра упоминается в обрядовом комплексе «Жертвоприношение Луне во время зимнего праздника». Об этом читаем в издании Института филологии РАН, Сибирское отделение. Запись произведена в 2010 году от Лилии Аслаповой (Аймык) из с. Ачайваам Олюторского района, которая вспоминала о том, как забивали («возвращали») оленей Луне. После забоя играют в мяч: «Они после всех работ в мяч играли, в молодёжную игру – перекидывали мячик, сшитый из оленьей шкуры с мехом. Мужчины против женщин. Надо было не уронить мяч. И чем дольше мяч у женщин, тем лучше. Ой, сколько там молодёжи было! Все в кухлянках, все такие красивые, молодые все! Играют, играют. Ещё мазали друг друга золой. Тоже интересная игра. Все жертвоприношения Луне заканчивались этими играми».

Вавакко Елена Николаевна из с. Хаилино Олюторского района в ноябре 2024 года также поделилась своими воспоминаниями о том, как наблюдала игру в мяч во время празднования встречи табуна после летовки: «Табун, пришедший с летовки в целости и сохранности, был большой радостью для селян и семей, поэтому устраивали добрую встречу. Надевали национальную одежду и начинали танцевать, петь, играть в бубен. К вечеру начинали играть в мяч. Играли в две команды – мужчины против женщин. Мяч необходимо было бросать, но ни в коем случае не передавать, иначе человеку, передавшему мяч другому игроку из рук в руки, кричали: “Собачий кымылы съел”, в переводе на русский язык означает “Собачью косточку съел”. По правилам игры надо было кидать мяч партнерам по игре. Задача соперников – отобрать мяч у другой команды».

В монографии В. Иохельсона указано следующее: «Игра в мяч у коряков столь же популярна, как и у чукоч. В старые времена коряки, как и эскимосы, прежде чем принять незнакомцев, устраивали с ними игру в мяч».

Использовали мяч и для развития ловкости. Об этом есть записи в книге Н. Н. Беретти «На крайнем Северо-Востоке»: «Для развития ловкости дети часто играют в сделанный из травы, обтянутый шнуром ларги или акибы мяч, который они гоняют палками по земле; для игры делятся на две группы; выигрывает та группа, которая преодолевает сопротивление противников и угонит мяч как можно дальше».

Камчатский исследователь Владимир Малюкович в экспедициях по Корякскому округу в 70-х годах прошлого столетия также зафик-

сировал праздники, в которых играли в корякский мяч. В с. Култушино (ныне закрытое) Олюторского района проводили, как назвал Малюкович, «спортивный праздник»: «В центре села собирались женщины, которые были инициаторами проведения этого спортивного праздника. Скоро сюда подходили почти все жители села. “Қплукэн, қаплукэн!” – слышалось повсюду. Одна из женщин, которая становилась лидером, набирала в свою женскую команду участников спортивного корякского праздника “Қаплукэнэн”. Подходили мужчины, и они набирали себе мужскую команду. Команды разыгрывали жребий: кому достанется мяч-қаплукэн. Одна из женщин выносила ручной мяч, сшитый ею из оленьей шкуры (или кожи). Внутри мяча набивали упругий сухой мох. Мяч (қапыл) разыгрывался между командами, и игра начиналась. Играли на сельской улице или в тундре между ярангами. Целью игры было как можно дольше удержать мяч в воздухе, чтобы его не перехватила команда соперников. Если команда играла хорошо, то мяч мог пробыть в воздухе, не касаясь земли, более часа. Очень часто побеждала женская команда благодаря более согласованным действиям. Но, возможно, что и по другой причине: игра қплукэн имела не только игровой смысл. И это видно из того, что чаще всего команды были разнополюми, мяч обычно украшался вышитыми орнаментами, вышивками, даже бисером. Мяч бьют (бить – “кыплык”) во время игры и стараются, чтобы он не касался земли. Возможно, что мяч олицетворял Луну или Солнце, что мы встречаем в сказках алыторских коряков.

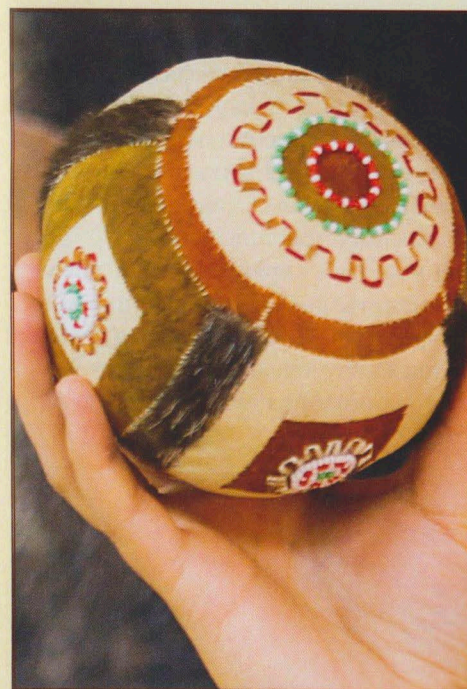
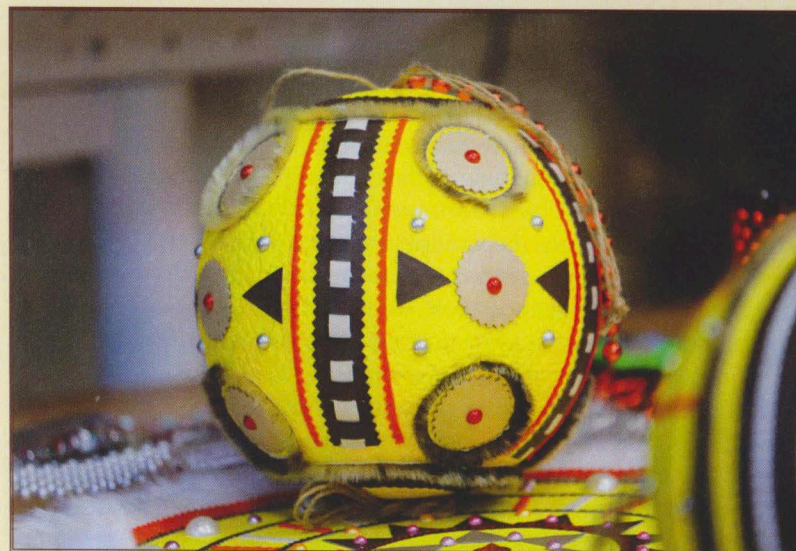
После окончания игры собирались в доме женщины, которая шила мяч. Там проводился небольшой праздник с угощением, игрой на бубне, песнями и танцами» [с. 6].

Известный корякский оленевод Тынэтэгин Николай Иванович рассказал учёным из Новосибирска, побывавшим на Камчатке в период с 2017 по 2020 год, об игре в мяч: «По-чавчувенски эту игру называют қапылтук – “играть в мячик”. Мячик самодельный – маленький, легонький. Иногда просто мох в тряпочку заворачивали и зашивали, как будто мячик-қапыл. Для этой игры надо, чтобы было равное количество женщин и мужчин, например пять мужчин и пять женщин. Одна команда мужская, другая женская. Ищут ровную просторную поляну. Бегать надо недалеко, на десять-пятнадцать метров. Если мячик-қапыл в руках у мужика, то он перебрасывает мяч другому мужику, тот – следующему. И вдруг какая-нибудь из женщин перехватила

этот мячик на лету, тут же бросает другой женщине. И вот начинают женщины перебрасывать мячик туда-сюда. А мужики хотят перехватить. Перехватывают и снова начинают друг другу бросать, мужики бросают только мужикам, а женщины – только женщинам. Но из рук вырывать этот мячик нельзя – надо только на лету перехватывать. В этой игре есть судья. Он смотрит, какая команда сильнее, какая команда дольше мяч у себя держит. Раньше эту игру очень любили. Особенно хорошо играли женщины. Иногда вместе со взрослыми играли и дети-подростки, если они хорошо бегали, наравне со взрослыми. В эту игру не всех брали: смотрят, подойдет ли человек, насколько он быстрый, ловкий. Но чаще всё-таки взрослые между собой играли: молодые и постарше, те, кому уже за сорок».

Исследователь корякской культуры И. Вдовин также в своем труде «Очерки этнической истории коряков» отметил: «В зимнюю тихую погоду играли в мяч (к’аплугыр’ын). Оболочку мяча в форме шара шили из лобковых частей шкуры оленя. Набивали мяч оленьей шерстью. В игре принимали участие только мужчины. Они образовывали большой круг и ногами били по мячу так, чтобы он летел вверх, но не за пределы круга. Игра состояла в том, чтобы не допускать падения мяча на землю. Тот, кто не успевал вовремя ударить по мячу и по его

вине мяч падал на землю, выбывал из игры» [с. 87].

Вантин Александр из с. Тилички Олюторского района поделился со специалистами центра в 2024 году воспоминаниями детства и подробно рассказал о корякском мяче, начиная от материалов, из которых делали мяч. Мяч шили из кожи оленя, набивали сухим мхом. «А потом тоже делали қаплув'ы – мячики. Кожа оленя стягивалась, набивалась мхом, потом плотно зашивалась. Кожу надо было хорошо обрабатывать, выделывать. Вот это самые ходовые игрушки были – эти қаплув'ы (мячи).

Иногда даже бабушки, дедушки тоже вставали, тоже начинали играть. Такая интересная игра». Информант рассказал и о свойствах мяча: «...Обшивали так, чтобы, когда ударишь, больно было. Не надувной, а набитый мхом. И хотя мох мягкий, но все равно было больно».

Коряки – чавчулены (оленные) шьют қапыл (мяч) из выделанной оленьей кожи, украшая орнаментом в технике мозаики с чередованием кожи темного и светлого тонов.

Коряки – нымыланы (береговые) делали их из желудка нерпы. Они высушивали желудок, который становился твердым, и заполняли высушенным нерпичьим жиром. Высушенный жир тоже становился твердым и тяжелым. Также использовали высушенный зоб куропаток. Их надували, они получались воздушными, ими тоже играли

Ваваку Елена Николаевна рассказала о том, какие мячи шили на похоронах: «Раньше мяч кожаный делали, а в последние годы просто тряпку берут и зашивают. Или вот в тундре, на похоронах Лёньки моего, играли там. Быстро сделали из тряпки и кидали».

В монографии «Обряды и праздники коряков» В. В. Горбачёва отметила, что на похоронах коряки играли в мяч на улице: «Помимо игр в доме, вне жилища молодежь играла в кожаный мяч с оленьим ворсом внутри и с изображением солярных знаков на внешней поверхности». К солярным знакам народов Севера можно отнести простые круги, круги, расчерченные на сегменты, круги с розеткой внутри. Всё это символы, связанные с небесными светилами.

Орнаменты, вышитые на мяче подшейным волосом оленя, имели также защитную функцию от злых потусторонних сил.

В современной культурной практике корякские мячи преимущественно выступают как экспонаты декоративно-прикладного искусства на различных выставках. Однако их ритуальная функция не исчезла полностью: мяч по-прежнему используется в ходе праздника «Встреча нового солнца», традиционно отмечаемого в декабре в Петропавловске-Камчатском.

Источники информации

Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке / Н. Н. Беретти. – Владивосток : Владивостокск. отд. Гос. рус. геогр. о-ва, 1929. – 28 с.

Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1973.

Голованева Т. А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык / Т. А. Голованева, А. А. Мальцева ; отв. ред. Е. Н. Кузьмина ; Рос. акад. наук, Сиб. отд., Институт филологии. – Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2015. – 172 с.

Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб., 1997. – 238 с.

Обряды и праздники коряков : историческая литература / В. В. Горбачева ; Рос. этногр. музей. – СПб. : Наука, 2004. – 150 с.

Культура камчатских коряков-чавчуленов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынэтэгина / сост. Т. А. Голованева ; отв. ред. Е. Н. Кузьмина, ред. текстов на коряк. яз. Е. П. Пронина ; Рос. Акад. наук, Сиб. отд., Ин-т филологии. 2-е изд., с изменениями. – Новосибирск : СО РАН, 2023. – 252 с.

Фольклорное наследие В. Н. Малюковича. Обрядовые праздники коряков : фольклорно-этнографический сборник / сост. М. Е. Беляева. – Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2016. – 68 с.

This image shows a single sheet of cream-colored paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

9

**Нематериальное культурное наследие народов Камчатки
Материалы фольклорно-этнографических экспедиций**

Составитель М. Е. Беляева
Ответственный за выпуск Н. А. Воробьева

Подписано в печать 04.02.2026. Формат 60 × 90 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 6,00.
Тираж 150 экз. Заказ КП25-004909.

Издательство «Камчатпресс»
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кронцкая, 12а

Отпечатано в ООО «Камчатпресс»
683017, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Кронцкая, 12а
www.kamchatpress.com